

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ

ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Вып. 28, 2021

Владикавказ 2021

**ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ
ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Научный журнал
Гуманитарные науки

Главный редактор
И. Т. Марзоев

Редакционная коллегия:
Е. Б. Бесолова,
Э. Ш. Гутиева (ответственный секретарь),
Е. Б. Дзапарова, Ф.О. Абаева

Учредитель:

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА –
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА "ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК"

Адрес редакции и учредителя:
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: soigsi@mail.ru

*Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов
и не всегда совпадают с точкой зрения редколлегии
и редакции журнала*

ISSN 2310-578X

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИСТОРИЯ

Абдулвахабов Б.Б.-А., Танкаева Х.А. Образование и наука в Чечне в конце XIX – начале XX века в процессе интеграции в общероссийское пространство 5

Дзалаева К.Р. Культурно-хозяйственная модернизация Осетии во второй половине XIX - начале XX вв. 17

II. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Дауева Т.Т. Церковное брачное право: влияние на институт брака осетин 29

Кцоева С.Г. Исторические исследования в журнале «KAVKAZ-FORUM»: традиционные аспекты и современные тенденции 36

III. АРХЕОЛОГИЯ.
ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Дзаттиаты Р.Г. О маслбойках в Осетии 48

Багаев А.Б. Танцы в мужской субкультуре традиционного осетинского общества 53

Цогоев Б.Т. Длинный кафтан (*даргъ куырæт*) как элемент традиционного мужского костюма осетин 63

IV. ФИЛОЛОГИЯ

Сатцаев Э.Б. К вопросу словарного состава осетинского языка 70

Абаева Ф.О. Земледельческая лексика: название пашни и термины, обусловленные им 81

Бритаева А.Б. Социокультурный контекст осетинской детской поэзии первой половины XX в. 88

V. ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Хапсаева Д.В. Риск – конструкт в экологической социологии: теория и практики 96

VI. НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ 104

I. ИСТОРИЯ

Б. Б.-А. Абдулвахабова
 кин, доцент кафедры «История
 и культура народов Чечни»,
 ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
 университет им. А. А. Кадырова»
Х. А. Танкаева
 студентка,
 ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
 университет им. А. А. Кадырова»
 (г. Грозный)

ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В ЧЕЧНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ В ОБЩЕРОССИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Статья посвящена одной из важных направлений в культурно-исторических процессах чеченского общества в конце XIX – начале XX вв. Сегодня, в непростом современном мире, в непростых межэтнических отношениях в многонациональном государстве необходимо показывать не только трудности, в которых оказалось чеченское общество во второй половине XIX века, но позитивные изменения в Чечне и в чеченском обществе, которые были связаны и с реформами 60-70-х годов XIX века. Они актуализировали процессы образования в крае и решили в конечном итоге проблему социокультурной интеграции чеченского общества в Российское государство.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, чеченцы, образование, наука, культура, социокультурная интеграция.

The article is devoted to one of the important trends in the cultural and historical processes of Chechen society in the late XIX – early XX centuries. Today, in a difficult modern world, in difficult interethnic relations in a multinational state, it is necessary to show not only the difficulties in which Chechen society found itself in the second half of the nineteenth century, but positive changes in Chechnya and in Chechen society, which were also associated with the

reforms of the 60-70s of the nineteenth century. They actualized the processes of education in the region and eventually solved the problem of socio-cultural integration of Chechen society into the Russian state.

Keywords: Russia, the North Caucasus, Chechens, education, science, culture, socio-cultural integration.

Культурно-исторические взаимодействия в Чечне в конце XIX – начале XX вв. в контексте чечено-русского взаимодействия до сих пор остаются актуальной проблемой в исторических исследованиях. Окончание Кавказской войны и присоединение территории Чечни к Российской империи не решили трудностей и проблем интеграции чеченского общества в новую государственную систему. Важную роль в этих процессах играло образование.

Особенно сильное культурное влияние на чеченцев имела арабо-мусульманская культура. Попытки приспособить арабскую письменность для кавказских языков предпринимались еще в средневековье.

В период Кавказской войны вся деловая переписка наибов велась на арабском языке: объявления, декларации, протоколы, договоры, акты и др. письменные сообщения бытового характера между жителями аулов.

В чеченских селениях функционировали «хъужарш» – медресе. Такие школы были только в крупных горских селах (аулах). В них обучали арабскому языку, чтению Корана [2].

После 3-4 лет обучения, научившись читать на арабском языке Коран и справлять религиозные обряды, большинство учеников покидали школы. В аулах были также учителя – муллы, обучавшие детей у себя дома. Конфессиональное начальное образование учащихся завершалось знакомством с богословием и мусульманским правом. Наиболее старательных и способных выпускников для продолжения учебы направляли в Дагестан, даже за пределы Кавказа [9, 13].

Активное распространение русского языка среди чеченцев началось только после завершения Кавказской войны и долгое время ограничивалось слоями, непосредственно сотрудничавшими с царской администрацией. Первой социальной прослойкой, овладевшей русским языком и получившей светское образование, стало чеченское офицерство. Большая часть чеченской интеллигенции – выходцы из их семей.

История развития светского народного просвещения на Северном Кавказе связана с началом 60-х гг. XIX в.

По специальному проекту, принятому в 1858 году, было решено открыть начальные горские школы для народов Северного Кавказа, в том числе и чеченцев.

После завершения Кавказской войны российской администрацией предпринимались активные попытки заменить арабский язык русским. Появился первый чеченский букварь на русской графике, автором которого явился известный русский просветитель П. К. Услар.

Просветительству в Чечне были свойственны черты, характерные для всего горского просветительства. Идеи просветительства первыми восприняли наиболее образованные представители чеченского народа. Как правило, эти люди находились на службе у царизма: П. К. Услар, А. М. Шегрен, А. Берже, Л. Я. Люлье, И. А. Бартоломей работали по распоряжению царской администрации. С помощью чеченцев-переводчиков созданы первые чеченские буквари. Ранние записи лирических песен на чеченском языке были сделаны молодым офицером Л. Н. Толстым в 1852 г. со слов чеченцев Садо Мисербиева и Балты Исаева. П. К. Услар первым начал открывать светские школы для горцев, привлекая к работе помощников из числа горцев. Так, организовав в 1862 г. школу для чеченцев в крепости Грозная, он использовал в качестве помощников чеченцев Кеди Досова, Ахмедхана Тарамова и Янгульбая Хасанова. П. К. Услар составил программу просвещения чеченского народа, в которой об устройстве городских школ писал: «Полагаю, что осуществление ее действительно создает новое поколение передовых людей на Кавказе, которые сделают здесь то, что не в состоянии сделать ни штыки, ни повести» [6, 67].

В школу были отобраны 25 юношей. В числе её учеников называют первых чеченских просветителей – Кеди Досова, Янгульбая Хасанова, Гирея Муларова, Тугана Алхазова. Школа состояла из двух классов и дополнительно – одного подготовительного класса. По учебному плану Грозненская горская школа приближалась к народным училищам России: здесь преподавали русский и церковнославянский языки, арифметику, арабский язык, историю, географию, чистописание, закон божий, мусульманский закон. Контингент школы был определен – до 150 учеников, но училось значительно меньше. Хотя школа была предназначена для чеченских детей (в ней их

обучалось более половины), иногда до 2/3 составляли дети других национальностей, в основном русские. Уровень знаний учащихся был низким и в ведомостях в большинстве случаев фигурирует оценка «удовлетворительно». Обращает на себя внимание маленький выпуск учащихся школы. В 1883 г. Грозненская горская школа выпустила всего 8 учащихся. Сама школа не пользовалась у властей особым вниманием. Учеников кормили и одевали плохо. При всей скудости материальной базы школы и низком уровне учебной программы, Грозненская горская школа долгое время была центром культурной жизни города.

Просвещение горцев шло гораздо медленнее, чем рассчитывали П. К. Услар и представители кавказской администрации. Главным препятствием являлась экономическая и культурная изоляция горцев.

В 1862 г. К. Досов, ученик П. К. Услара, написал букварь чеченского языка озаглавив его «Нохчийн джуз ду х1ара» [7]. В начале 60-гг. XIX в. П. К. Услар издал капитальный труд «Чеченский язык, систематически изложенная грамматика» [6]. П. К. Услар использовал в своих работах интересные сведения из фольклора горцев. В 1888 г. в Тифлисе увидело свет его фундаментальное монографическое исследование «Чеченский язык».

В последней трети XIX в. начинается деятельность первых чеченских просветителей. В 1872 г. опубликовано первое этнографическое исследование Умалата Лаудаева «Чеченское племя». Несмотря на наличие ряда исторических неточностей, его работа не утратила своей научной ценности. Необходимо отметить, что определенное влияние на культурное развитие чеченского народа оказывали чеченские офицеры и их семьи, являвшиеся, как правило, по-европейски образованными людьми. Таковыми были семьи генерал-майора А. Чермоева, генерал-майора К. Курумова, полковников Эльмурзаева, Саракаева, Мурадова, офицеров Ахтахановых, Кужуевых и др. Все они, включая и представителей титулованной знати – потомков Турловых, Таймазовых, Алхазовых и др., участвовали в процессе втягивания горцев в русско-европейскую цивилизацию [1, 544].

Таким образом, в духовной культуре чеченского народа, особенно в образовании, в начале двадцатого столетия отмечаются два направления: европейская и арабо-мусульманская. В официальных источниках для горских народов Кавказа точкой отсчета грамотности (или неграмотности) служило знание или незнание русского

языка. Неграмотность достигала в конце XIX – начале XX вв. среди чеченцев почти 100%. Так, в селении Старая Сунжа, на основании списков 1886 г. было неграмотных, не знающих русский язык – 1 человек и 14 человек, не знающих арабский. Горянки, как правило, практически были безграмотны. Основная часть чеченской интеллигенции была больше подвержена влиянию европейских ценностей. Даже шейхи и муллы, следуя примеру офицерства и предпринимателей, пытались дать своим детям не только духовное, но и светское образование. В начале XX в. многие семьи, представлявшие социальную верхушку чеченского общества, стремились дать хорошее образование всем детям, а не только сыновьям [1, 530].

Введение новой системы административно-территориального управления и судопроизводства, развитие торговли вызвало потребность в людях, которые владели бы определенной грамотностью и знанием русского языка.

В 1876 г. была утверждена Терская дирекция народных училищ, которая занималась вопросами образования, руководством учебных заведений в области, кроме религиозных. В Терскую область входили Чечня, Ингушетия, Кабарда, Балкария, Северная Осетия, частично территория Дагестана, Азербайджана, Ставропольского и Краснодарского краев.

В 1865–1867 гг. открываются русские школы для горских детей в Грозном, Старом-Юрте, Ведено. В 1897 г. в Старом-Юрте и в Нижнем Науре появляются министерские начальные училища. Такие же училища учреждаются в Шатое (1904 г.), Ведено (1907 г.), Шали, Устар-Гордое, Ойсун-Гуре (1910 г.) и др. Горские школы просуществовали вплоть до 1917 г. Чеченцы и другие горские народы Терской области пытались сделать образование для своих детей доступным. Собирали средства для этого, возбуждали ходатайства перед администрацией об открытии школ в своих селах. Особенно большое количество таких ходатайств стало поступать в конце XIX – начале XX вв. Во многих ходатайствах сельские общества заявляли, что расходы по содержанию этих школ берут на себя, и власти стали открывать школы в горских аулах и казачьих станицах Терской области. Почти все сельские общества на своих сходах обращались к властям с просьбой открыть в их селах школы. Таких ходатайств было много. При этом из года в год ходатайства дополнялись новыми обстоятельствами. Однако царская администрация не только не шла навстречу пожеланиям горских крестьян, но и всячески тормо-

зила открытие новых школ. Имеющиеся школы закрывались из-за недостатка средств. О том, что правительство не открывает школы, неоднократно сообщалось с мест попечителю Кавказского учебного округа. В одном из писем говорилось, что население вправе роптать, так как сбор денег продолжался, а школ все же не открывали [3, 590-591].

Невыполнение сельскими обществами своих обязательств по отношению к учителю было широко распространенным явлением. В рапортах учителей содержались многочисленные жалобы на несвоевременную выдачу содержания. Плохо обстояло дело с квартирами учителей, особенно тяжело было в аулах, где отсутствовали частные квартиры. Что касается жалования учителей, то сама учебная администрация (попечитель, директор Терской дирекции, инспектора) неоднократно признавали, что жалование выплачивается недостаточное, и это явилось причиной частой смены учителей.

В 70-80 гг. XIX в. большинство станичных учителей получали от 30 до 200 руб.. Такое явление объяснялось тем, что станичные общества, присвоив не принадлежащее им право назначения учителей, брали тех, кто дешевле возьмет. Позднее с таким «порядком» было покончено: назначать учителей стала только дирекция, потребовав от станичных обществ постепенного повышения жалования до 240 руб. в год и обеспечения учителей квартирами и топливом [3, 593].

В 1890-е г. учитель получал от 240 до 300 руб. В 1897 г. газета «Терские ведомости» опубликовала заметку «Голос народного учителя», в которой читаем: «Необходимо обеспечить их сравнительно приличным содержанием и подумать над их будущностью. Одним словом, постараться, чтобы положение учителя не имело печальной обстановки, из-за которой он, будучи даже привязан к своему делу, вынуждается оставить свое занятие и искать другое. Будучи материально зависим от общества, этот труженик не

раз вынужден бывает переносить унижения от грубых безграмотных представителей сельского общества, которые стараются при всяком удобном случае показать себя» [4, 44].

В начале XX в. жалование учителя городского училища составляло примерно 770 руб. в год, причем сюда входила плата за квартиру, отопление, так что в условиях городской жизни эта сумма была недостаточной. Смета расходов, составленная в 1903 г. директором народных училищ для Грозного и Владикавказа, показала, что необходимо минимум 900 руб., а в 1912 г. – 1000 руб. в год. Он привел

наименьший годовой расход женатого учителя, имеющего одного ребенка, куда вошли следующие расходы: квартира из трех комнат – 40 руб., отопление (2,5 сажени дров) – 70 руб., освещение – 12 руб., стол – 300 руб.. Учителей коренной национальности до конца XIX в. почти не было. В начале XX в. в горских школах, в том числе и грозненской, работали педагоги из коренных национальностей, которые после горской школы окончили учительские семинары в других городах. Отдельные выпускники горских школ продолжали обучение в Ставропольской гимназии, где для них ежегодно выделялось 3 вакансии, в том числе одно из них отдавалось дагестанцам. Далеко не все рекомендованные выпускники горских школ выдерживали вступительные экзамены для продолжения образования, особенно требование владеть русским языком. Окончивших Ставропольскую гимназию из чеченцев были единицы.

Программы были сложными для начальной школы, в особенности по арифметике и геометрии. Грозненская и Назрановская окружные горские школы имели свои библиотеки, в которых насчитывались сотни книг – учебной и художественной литературы. Ежегодно для библиотек школами выписывалось большое количество периодических изданий. В Грозненской школе имелась аптека, небольшая больница при пансионе и даже свой школьный оркестр.

Горские школы получали инвентарь для обработки земли и земельные участки, где учащиеся проводили практические занятия по садоводству и огородничеству. Родным языком в школе пользовались только первое полугодие и то для того, чтобы скорее научиться говорить по-русски. В последующие годы преподавание велось на русском языке [5, 293]. Несмотря на все недостатки в организации первых горских школ, они послужили толчком к дальнейшей тяге горской молодежи и горского населения к просвещению. Школы эти являлись первой кузницей национальных кадров. Вместе с тем, как и другие дореволюционные учебные заведения, горские школы Чечни объективно способствовали распространению просвещения среди горцев, приобщению к русской культуре.

После принятия Государственной думой закона «О введении всеобщего начального обучения» в России от 3 мая 1908 г., положение с распространением образования в Чечне среди горского населения меняется в лучшую сторону. Попечитель Кавказского учебного округа в мае 1908 г. издал приказ, в котором были определены мероприятия для введения всеобщего начального обучения

на территории области. Для реализации закона о всеобщем начальном обучении в Терской области и на территории Чечни необходимо было развитие школьной сети, разработка которой возлагалась на местное самоуправление.

На военно-народную окружную администрацию была возложена задача устройства новых школ. Согласно «приговорам» (приказам), в 1912 г. были открыты для ингушей две школы, для чеченцев – две, в 1913 г. – для ингушей – 15 школ, для чеченцев – 35. Шесть вполне подготовленных училищ не открылись из-за полного отсутствия учительского персонала. Большинство училищ ютилось в наемных помещениях, испытывая нужду в собственных зданиях. В 1914 г. число училищ резко падает в связи с начавшейся войной. В этом же году для чеченцев было открыто всего 3 училища, для ингушей – 6. Из 85137 детей школьного возраста коренного населения в 1915 г. учились лишь 12466 детей, всего 14,6%. Начальное обучение среди чеченского населения достигало в Грозненском округе всего 9%, в Веденском – 2%, среди ингушей в Назрановском округе – 7,7% по отношению к общему числу детей школьного возраста. Согласно официальным данным, старшего класса достигали около 10% всех учащихся в начальных училищах Терской области. При этом, оканчивало школу и того меньше: в 1913 г., например, 7,3% всех учащихся, т. е. 2785 человек. Формализм, зубрежка и муштра особенно ярко были выражены в церковно-приходских школах, что отмечалось даже учебной администрацией [3, 598].

Плохо обстояло дело с наглядностью, главным образом, из-за того, что школы не имели достаточно средств, зато практиковались экскурсии. Так, летом 1916 г. в ряде училищ Терской дирекции проводились так называемые летние занятия с учениками, состоящие в прогулках и экскурсиях, во время которых дети знакомились с природой, полевыми работами, собирали коллекции насекомых, растений и т. д. Обо всем виденном велись беседы. Все это способствовало развитию речи и облегчало усвоение материала.

В начальных училищах преподавали и необязательные предметы, такие как пение, музыка, гимнастика, рукоделие, садоводство, огородничество, токарное, слесарное и другие ремесла. В большинстве училищ имели место занятия учащихся садоводством и огородничеством, проводились праздники древонасаждения. Терская дирекция принимала меры к увеличению числа ремесленных отделений, классов ручного труда и рукодельных классов. Упор

был сделан на столярные мастерские, поскольку изделия из дерева пользовались наибольшим спросом. К 1914 г. ремесленные отделения были открыты при Николаевском 2-классном, Грозненском станичном 2-классном, Червленском, Дубовском и др. училищах. Официально телесные наказания в школах не разрешались. Допускались только такие наказания, как стояние на месте возле стола, оставление на час в училище после утренних занятий, замечание при родителях и в редких случаях – исключение из училища. Но случаи рукоприкладства имели место. В истории развития начального образования особое место занимали школы на Грозненских нефтяных промыслах. Вплоть до начала XX в. на Грозненских промыслах не было ни одной школы, ни одного культурного учреждения.

В 1898 г. на I съезде терских нефтепромышленников был возбужден вопрос об открытии на промыслах молитвенного дома и при нем школы. На II съезде этот вопрос вообще не рассматривался. О школе на промыслах говорилось на III и IV съездах нефтепромышленников в марте 1901 и феврале 1902 г. На III съезде доклад по этому вопросу делал инспектор Грозненского городского училища В.П. Иванов, рекомендовавший съезду открыть двухклассное училище Министерства народного просвещения для мальчиков и девочек. Съезд постановил признать желательным учреждение двухклассного училища, также внести в смету на 1901 г. сумму в размере 2000 руб. на постройку здания для училища. В 1903 г. была открыта школа грамоты, находившаяся в ведении Епархиального учебного совета. Это была первая школа грамоты на Грозненских нефтяных промыслах, которая не могла удовлетворить потребность промышленного населения в образовании. 1 сентября 1904 г. на промыслах было открыто одноклассное начальное училище Министерства народного просвещения, в котором было 2 преподавателя и 65 учеников (37 мальчиков и 28 девочек) с платой по 1 рублю в месяц.

К началу 1908/09 учебного года училище переместилось в новое каменное здание, состоящее из 4-классных комнат и из одноклассного, преобразованного в двухклассное. Пришлось пригласить четвертого и пятого учителя, «ввиду того, что наплыв учеников оказался гораздо выше положенной нормы, а именно: вместо ожидавшихся 150 учеников оказалось к началу учебного года 280 учеников, в том числе около 100 девочек». Вместить такое количество учащихся школа не могла. Из 280 желающих стали учиться 211 (135 мальчиков, из них 7 чеченцев, и 76 девочек). Хотя училище было расшире-

но, на следующий учебный год пришлось опять отказать за неимением мест около 30 ученикам. В будущем помещение было расширено на 50 мест, но опять не вмещало всех желающих. Как видно, потребность в образовании была велика, и нефтепромышленники вынуждены были идти на новые расходы. К 1 августа 1909 г. в западном районе промыслов было закончено строительство кирпичного школьного здания, состоящего из 2 классных комнат, и в нем начало функционировать новое одноклассное училище № 2. В ближайшем будущем было решено построить вторую школу. В последующие годы происходит расширение школьной сети. 23 октября 1911 г. было открыто одноклассное училище № 3, 9 января 1912 г. – одноклассное училище № 4 и 1 сентября 1913 г. – одноклассное училище № 5. Число учащихся во всех пяти школах в 1915/16 учебном году достигло 1338 человек, число лиц педагогического персонала – 31. Представители коренной национальности среди учащихся, как свидетельствуют материалы съездов терских нефтепромышленников, насчитывались единицами. Так, в 1910/11 учебном году из 394 учащихся было всего 15 чеченцев и 6 ингушей. В последующие годы, несмотря на общий рост учащихся, эта цифра почти не увеличивалась. В 1913/14 учебном году во всех школах было 14 чеченцев и 1 ингуш и в 1914/15 г. – 18 чеченцев и 7 ингушей. Следовательно, из 1338 учащихся в этом году обучалось всего 25 детей коренной национальности [8, 114-118]. К 1917 г. на территории Чечни и Ингушетии было 7 высших начальных училищ, имевших четырехлетний курс обучения после начальной школы: Грозненское, Пушкинское, Червленское, Старогладовское, Калиновское, Наурское, Слепцовское.

Самым «старым» являлось открытое в 1896 г. Грозненское училище, затем Червленское – в 1907 г., Слепцовское – в 1910 г., Калиновское – в 1912 г. Открытие Шелковского, Старогладовского и Наурского училищ относится к 1917 г. Содержались они за счет городского (Грозненского) или сельского (казацкого) обществ. Среди высших начальных училищ следует выделить Алексеевское, Грозненское Мариинское женское училище. До этого училище называлось сначала Городским женским двухклассным, с 1908 г. – Мариинским женским училищем.

С преобразованием училища в Мариинское положение изменилось. Полный курс училища приравнивался к прогимназии, и окончившие его могли поступить в гимназию. Кроме того, они

получали законченное профессиональное образование по кройке и шитью с правом открывать свои собственные мастерские. С этого времени в училище утверждается профессиональный класс с учебной мастерской по белошвейному и дамско-портняжному ремеслу. Министерские начальные школы со второй половины XIX в. открылись почти во всех станицах, в станицах же – церковно-приходские школы.

Высшее образование практически в этот период было недоступно выходцам из чеченского народа, за исключением детей царских офицеров, состоятельных лиц из горцев. Из тех, кто попал в русские школы, средние и высшие учебные заведения, власти старались воспитать преданных режиму чиновников. До революции здесь практически не было единой системы преподавания. В школах практиковалось применение телесных наказаний, мало было подготовленных учителей, что вело к низкому умственному и физическому развитию учащихся.

К 1914 г. почти во всех плоскостных селах имелись одноклассные школы с преподаванием на русском языке. В 1914-1915 учебном году было 153 школы, в которых обучались 12,8 тысячи человек, средних учебных заведений было только два. Все школы обслуживались 378 учителями.

Таким образом, конец XIX – начало XX вв. В чеченском традиционном обществе происходили глубокие трансформации, которые отразились на всех сферах жизнедеятельности местного населения: экономической, административной, правовой и т. д. Главное место в этих процессах занимало образование, которое играло огромную роль в социокультурной интеграции чеченского общества в систему Российского государства.

1. Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX-XX веках. М.: Пульс, 2005.

2. Гриценко Н.П. Умалат Лаудаев – первый чеченский историк и этнограф // Известия ЧИНИИ, Т. 1, Грозный, 1972; Его же. Русские просветители XIX века среди кавказских горцев // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI- начале XX века. Грозный, 1981.

3. Ибрагимова З.Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. М.: «Пробел – 2000», 2006.
4. Исаев С.-А. Влияние России на развитие просвещения в Чечено-Ингушетии во второй половине XIX века // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии // ЧИНИИ истории, экономики, социологии и филологии. Грозный, 1989.
5. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1967.
6. Туркаев Х.В. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1978.
7. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Чеченский язык. Тифлис, 1888.
8. Хасбулатов А.И. Школа и образование в Чечне (II пол. XIX – нач. XX вв.) // Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 80-летию Национального музея ЧР. Грозный, 2006. С. 114-118.
9. Чентиева М.Д. История чечено-ингушской письменности. Грозный, 1958.

К. Р. Дзалаева,
кин, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ОСЕТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье рассматривается проблема культурно-хозяйственных преобразований, произошедших в Осетии под воздействием процессов культурно-хозяйственной модернизации во второй половине XIX – начале XX вв. Определено, что глобальные изменения затронули хозяйственную деятельность. Выделены основные тенденции культурно-хозяйственного развития в таких ее отраслях, как сельскохозяйственное и промышленное производство. Выявлены особенности модернизации горных и плоскостных территорий. Акцент сделан на межкультурном взаимодействии, выступившем в качестве фактора модернизации.

Ключевые слова: Осетия, Россия, культурно-хозяйственная модернизация, инновации, хозяйственная деятельность, сельское хозяйство, промышленность

The article examines the problem of cultural and economic transformations that took place in Ossetia under the influence of the processes of cultural and economic modernization in the second half of the 19th – early 20th centuries. It is determined that global changes have affected economic activities. The main trends of cultural and economic development in such sectors as agricultural and industrial production are highlighted. The features of modernization of mountainous and flat territories are revealed. The emphasis is on intercultural interaction, which has acted as a factor in modernization.

Keywords: Ossetia, Russia, cultural and economic modernization, innovation, economic activity, agriculture, industry

Государственные реформы второй половины XIX – начала XX вв. стали переломным моментом в развитии многонационального социума Осетии. Тяжелое положение, постоянная нужда в народной среде, с одной стороны, и натиск социальных, культурных и экономических преобразований, с другой стороны, выступили мощным импульсом модернизации всех отраслей жизнедеятельности, их становления на рельсы прогресса. В условиях перехода от традиционного общества с устаревшими, не отвечающими устойчиво формирующимся новым личным и общественным потребностям

способам хозяйствования к «современному (индустриальному) со всеми вытекающими отсюда глобальными последствиями» [1, 383] этот процесс был закономерным и неизбежным. Для преодоления существенного отставания от передовых стран посредством модернизации российское правительство стремилось увеличить рост индустриализации производства, ускорить замену ручного труда машинным, озаботилось внедрением новых технологий и развитием сети железных дорог, созданием условий для появления новых отраслей хозяйства. Предстоял постепенный уход от архаичных стереотипов общественного сознания и выработка «новой системы морально-этических координат, отвечающих задачам очередной стадии развития государства» [2, 108]. Нарастив темпы интенсификации аграрного производства, берущего за основу «передовую агрономию с многопольными севооборотами и необходимыми для передовой агрикультуры почвообрабатывающими орудиями и машинами» [3, 9], Российская империя ориентировалась на Западную Европу.

Глобальным изменениям подвергся важнейший элемент жизни общества – хозяйственная деятельность. Многолетняя межкультурная коммуникация и наступающая индустриализация способствовали формированию в Осетии необходимых условий для нарастающих темпов модернизации трудового, производственного, коммерческого, торгового и экономического направлений хозяйственной деятельности [4, 283].

При этом решение накопившихся при «прежней жизни» социально-экономических проблем, рождало «целый спектр новых, обусловленных лавинообразным характером социальных изменений» [2, 107]. Для успешного выхода из них и дальнейшего процветания предстояло выработать механизмы «перехода на траекторию самоподдерживающегося экономического роста» [2, 107].

При существенном экономическом потенциале и «естественных богатствах», пореформенную модернизацию Осетия, как и вся Терская область, встретила низким уровнем производительных сил и производительности труда, малоэффективным хозяйством. Ощущалась необходимость в изучении многих аспектов, влияющих на общую культурно-хозяйственную ситуацию в регионе: «Никто не станет отрицать, что такое знание пригодно как для административных местных целей, так и для общих государственных и народных выгод. Край недавно умиротворенный, вступающий в новую гражданскую

жизнь, прежде всего, нуждается в строгом знакомстве с его силами и физиологическою производительностью их» [5, 2]. Отсутствие у населения необходимых хозяйственных знаний и навыков отражалось как на состоянии личных домохозяйств, так и на развитии всех отраслей экономики: «В настоящее же время экономический быт областных жителей совершенно соответствует их юной гражданской жизни; почему самые могущественные рычаги для народного благосостояния еще мало действуют, их естественная сила не проявляется пока в желанных границах» [5, 221]. Фабрично-заводская, ремесленная, сельскохозяйственная деятельность жителей Терской области «еще настолько несовершенна и малозначаща, что едва-едва только начинает заявлять о себе на местных и других рынках» [5, 222]. Однако интерес, проявляемый аульным и станичным населением к земледелию, садоводству и скотоводству позволял предвидеть их дальнейшее превращение в наиглавнейшие занятия как мелких, так и крупных хозяев: «Остается только пожелать им скорейшего запаса рациональных знаний, усовершенствования земледельческих орудий, большого стремления к труду и появления кредита на началах наименьшей эксплуатации ссуд и займов... Все силы местной администрации и лучших деятелей... направлены в настоящее время на то, чтобы в населении Терской области... поднять образовательный уровень, привить и провести в плоть и кровь населения новые силы для создания более прочного, как материального, так и духовного благосостояния» [5, 223]. И, действительно, распространение специальных знаний стало одной из главнейших задач разворачивающихся реформ. Большую востребованность начали получать ремесленные училища, в мастерских которых учащиеся обучались элементарным навыкам фабричного и заводского производства, знакомились с достижениями инженерной мысли и различные сельскохозяйственные школы с показательными полями, садами и огородами: «...по современному взгляду правительства на воспитание сельского юношества, сельская школа наряду с преподаванием грамоты должна давать детям и возможность усвоить элементарные знания некоторых отраслей сельского хозяйства и деревенских ремесел. Поэтому поводу еще недавно в газетах помещались статьи и заметки и такой взгляд правительства единогласно признан всеми целесообразным» [6].

Польза от сельскохозяйственных классов, курсов и школ ожидалась большая, а надежды, связываемые с ними, позволяли ожидать

в ближайшем будущем появление хороших специалистов-агрономов и повышения уровня сельскохозяйственной подготовки среди местного населения в целом. Эти новации, вводимые в учебный процесс, свидетельствовали о модернизации школьного образования как такового, расширении его функций и задач: «...при школе должен быть, во-первых, сад фруктовый и огород, в которых дети бы учились устраивать питомники, выращивать и высаживать деревья и овощи,...при саде и огороде должны быть поля кукурузное, пшеничное, и просяное – именно, так сказать, их родные поля в миниатюре, где детвора могла бы свободно следить за обработкой почвы, за посевом и жатвою, и не только следить, но и принимать и личное, по мере своих сил, участие в полевых работах... При школе не мешает иметь и луг из посеянных кормовых трав, на котором дети могли бы научиться распознавать наиболее питательные для скота травы, учились бы косить их, сушить и прессовать, как это делают теперь их отцы с полевыми травами» [6].

Большой вклад в дело подготовки современных специалистов вносило Владикавказское Лорис-Меликовское ремесленное училище, учащиеся которого, помимо обучения собственно грамоте, приобретали знания и навыки, необходимые в различных отраслях хозяйственной деятельности. Особый восторг у посетителей этого учебного заведения вызывало специальное помещение со станками: «...в нижнем этаже, со входа через парадное крыльцо налево, очень большая комната, в которой по обеим сторонам продольных стен симметрически расположено 20 верстаков и 2 токарных станка; посередине стоит сделанная учениками по образцу выписанной из-за границы веялка, которая по прочной, отчетливой работе и самой цене не только не уступает, но даже превосходит первую; за нею – ряд разной величины и формы деревянных ульев, также сделанных учениками, которых теперь уже 50; по стенам висят, в особых шкафах, разные инструменты» [7, 500].

Культурно-хозяйственная модернизация затронула все сферы жизнедеятельности населения Осетии, важнейшими из которых были сельское хозяйство и промышленность.

В виду территориальных особенностей земледелие Осетии делилось на горное и плоскостное, в связи с чем разнились условия, способы и результативность хозяйствования. В высокогорье, отличительной характеристикой которого было малоземелье и каменистая почва, состоявшая преимущественно из сланца и известняка,

перемешанного с глиной, под посевы нарезались мелкие участки, а их обработка требовала титанических усилий. Горцы сеяли пшеницу, ячмень, полбу, овес, картофель: «Из хлебов этих особенно достойны внимания ячмень и овес, по величине и доброкачественности зерен не уступающие лучшему сорту английского ячменя и овса; хотя они рождаются хорошо. Однако, по причине малоземелья, их хватает только для собственного продовольствия жителей» [8, 838]. Жители горной Осетии получали доход от овцеводства, производства сыра, изготовления сукна и бурок, извоза, доставки разных товаров в Тифлис и не только, занимались на уборку хлебов и сена. Хозяйственная деятельность жителей плоскостной Осетии, находящихся в лучших природно-климатических условиях, наделенных достаточным количеством земли, была направлена на возделывание разнообразных сельскохозяйственных культур. Если раньше предпочтение отдавалось пшенице и просу, то теперь осетины также стали выращивать рожь, ячмень, кукурузу, гречиху, коноплю, табак и свекловицу, получая хороший урожай. Тем не менее, отсутствие специальных знаний в области сельскохозяйственных работ и устаревшие громоздкие и примитивные орудия труда не позволяли плоскостным домохозяевам реализовывать весь производственный потенциал их участков: «Хлебопашество на плоскости находится в весьма неудовлетворительном состоянии, поля обрабатываются очень неудобным деревянным плугом, весьма тяжелым, требующим до 4 пар быков... Других земледельческих орудий не имеется, исключая плетня, которым заволакивают посеянные зерна... Потому урожаи хлебов бывают не так хороши, как можно было бы ожидать при должной обработке и лучшем уходе за полями. О плодотворной системе жители не имеют и понятия» [8, 840]. Модернизация сельского хозяйства второй половины XIX – начала XX вв. способствовала кардинальным сдвигам в этой отрасли экономики. Внедрение новейших сельскохозяйственных технологий, увеличение ассортимента посевных культур, расширение рынка сбыта продукции делали сельскохозяйственный труд более прибыльным и эффективным: «Помимо лучшего исполнения работы – пахоты, бороньбы, уборки, молотьбы, веяния и проч., хорошо устроенные орудия и машины дают значительный выигрыш в количестве работы, сберегаемого времени и затрачиваемой силы двигателей... Настает время прибегнуть к ускоренным, более совершенным и более дешевым способам культуры при помощи несколько большей первоначальной затраты в хозяйстве» [9, 77].

Интерес к инновационным технологиям возрастал с каждым годом. Хозяйства, в которых они применялись, демонстрировали преимущества механизации и использования новых подходов к организации сельскохозяйственного труда. Некоторым землевладельцам удавалось создавать действительно передовые, «образцово-показательные» участки. Так, вблизи Владикавказа один из его жителей взял во временную аренду небольшое имение размером в 100 десятин, где установил мельницу с пятью поставами, жерновыми из французских камней и со всеми новейшими орудиями – машинами для веяния, очистки зерна, отбора куколя и других механических примесей. Машины эти были не очень дорогими, не требовали особого ухода, по своей конструкции были не очень сложными, а в случае ремонта не нуждались в особенных техниках-специалистах для их исправления. Привести их в действие можно было или вручную (причем для этого не требовалось больших усилий), или посредством применения водяного привода. Все машины, обрабатывающие зерно, включались одновременно с мельничными поставами, что давало им преимущество, как в отношении скорости работы, так и в отношении качества производимой продукции [5, 299]. В этом же имении можно было наблюдать применение во время полевых работ жатвенной машины и сенокосилки, достоинствами которых были чистота в работе, скорость и самое главное – освобождение человека от тяжелого ручного труда. Для управления любой из машин достаточно было только одного рабочего и одной пары лошадей. Также не более одного человека требовалось и при применении железных граблей для собирания скошенной травы. Молва об этом интересном участке быстро распространилась среди горожан: «Для интересующихся рациональным сельским хозяйством сказанного нами мало, но упомянутое имение довольно известно владикавказцам, а потому все серьезно занимающиеся полевым хозяйством и мельничным делом, вероятно, поспешат личным наблюдением ознакомиться с тем, о чем мы не договорили. Радушие г. арендатора-хозяина и его просвещенная внимательность ко всему, что только интересует его гостей, может быть верным ручательством, что поездка в упомянутое имение будет и приятна, и полезна» [5, 299]. Механизация ручного труда, знакомство с рациональными способами ведения хозяйства в корне изменили культурно-хозяйственные предпочтения осетин: «Нет сомнения в том, что это население, воспитанное веками в твердых традициях сельскохозяйственного тру-

да и домоводства, сделавшее теперь довольно крупные успехи по пути культурного развития под знаменем просвещения, приложит все усилия к тому, чтобы создать на приобретенных мелких участках хозяйства с высокой культурой» [10].

Во второй половине XIX – начале XX вв. зарождающаяся промышленность Осетии стала развиваться нарастающими темпами. Большое историческое значение имело открытие в 1853 г. Алагирского серебросвинцового завода, ставшего первым казенным промышленным предприятием на Кавказе, обеспечивающим сотни рабочих мест. Для Осетии, тем более, ее горной части появление этого промышленного предприятия стало настоящим экономическим и культурно-хозяйственным прорывом, способствовавшим возникновению горнодобывающей отрасли, оживившей в дальнейшем некогда безмолвные, находящиеся в «беспросветной нужде» [11, 950] горы: «Благосостояние горцев Алагирского ущелья благодаря развитию горной промышленности с каждым днем улучшается. Куда не взглянешь, везде разрываются скалы, добывается руда» [12].

Радостным событием стало возведение Фаснальской горно-обогатительной фабрики в горной Дигории: «В высшей степени отрадная картина наблюдается в настоящее время в Дигории. Еще так недавно здесь население, изнывая под тяжким гнетом хозяйственных неурядиц и болячек, на чем свет стоит, проклинали свои бесплодные скалы и положительно не надеялось увидеть когда-нибудь благодатный луч, который бы оживил и осветил его негостеприимные дебри. И вдруг блеснул этот благодатный луч, осветил все горные трущобы и оживил упавшее духом население. Дело в том, что за последнее время в горах Дигории были найдены солидные горные богатства, привлекая сюда капиталистов... Производя до сего времени, так сказать, разведочные работы, одна группа капиталистов с текущего года решила окончательно здесь основаться. Мы говорим о Терском горнопромышленном акционерном обществе» [13]. На Фаснальской поляне, рядом с Дунтовскими рудниками, общество приступило к строительству 15 капитальных зданий для нужд обогатительной фабрики, которая должна была охватить все рудники, относящиеся к этому обществу и находящиеся в ущельях горной Дигории. Были закуплены машины, работающие на электричестве. Одним из важнейших подготовительных этапов было проложение удобной колесной дороги. Исполнение всех намеченных строительных работ предполагало привлечение больших трудовых

ресурсов, которые были найдены среди местного населения. Вовлечение горцев в совершенно новую отрасль хозяйства сказалось на них самым благоприятным образом: «...Дигория представляет теперь настоящий муравейник. И днем, и ночью здесь кипит работа: в одном месте ломают камень, в другом берут песок, там, в выси, на зигзагах, виден целый обоз с дровами, досками и другим строевым лесом, здесь, над самым берегом бешеного Уруха, где раньше грелись на солнце ящерицы и змеи, прилепились известковые горны, выдыхая из своей пасти красивое пламя и придавая тем ущелью, особенно в ночное время, какой-то фантастический вид. А над всем этим висит какой-то смешанный гул песен, скрип колес, мычания быков и т. п. Всюду жизнь, всюду движение... Даже постороннему как-то легче на душе становится под могучим дыханием этого всеоживляющего труда» [13].

Торгово-промышленная деятельность получила в Осетии существенное развитие. Целый комплекс предприятий фабрично-заводской деятельности разной направленности, размеров и значимости был сконцентрирован в самом ее центре – во Владикавказе. Наиболее известными были винокуренно-пивоваренный и кожевенный завод Корганова, маслобойный завод Федорова, канатно-веревочный завод Максимовых, хлопчатобумажные фабрики Петрова и Карелина, воскопробойный и медо-спускательный завод Токарева, воско-белительный и свечной завод Алехина, мыльно-свечной завод Егунова, водочный завод Шаура. Так же имелось много кирпичных и известковых заводов, которые принадлежащие разным владельцам [7, 855].

Продукция и услуги этих предприятий пользовалась успехом не только в Осетии, но и за ее пределами. Осетинское население города и его окрестностей частично было представлено среди рабочих, задействованных на этих производствах. Например, все сырье для завода Корганова, за исключением ржи, производилось осетинами и покупалось у них на владикавказском рынке и иногда в ближайших окрестностях, что способствовало значительному увеличению их посевов и доходов, получаемых ими с земли [7, 856]. При этом на одном только винокуренном заводе было трудоустроено до 100 человек распорядителей, помощников, мастеров, приказчиков и др., которые получали содержание весь год.

Кожевенный завод Корганова тоже был в отличном состоянии. Необходимое для выделки кож сырье (дубовая и ивовая кора, греч-

невая или иная зола, ячменная и овсяная мука), также преимущественно закупалось у «туземцев». Известь для производства приобреталась на местных заводах. Образцы выделанной на заводе Корганова кожи были удостоены медали на одной из всероссийских выставок [7, 859].

Особый интерес вызывает деятельность предпринимателя Федорова, который в целях оказания посильной помощи в деле распространения между горцами земледелия, вознамерился основать маслострунный завод из собственных семян, которые он приобретал при каждом удобном случае в селении Алексеевка Воронежской губернии, известного своими масличными семенами [7, 860].

Собирая сведения о свойствах почвы, способной производить эти семена и придя к выводу, что влажная почва, имеющаяся в достаточном количестве вокруг Владикавказа, более пригодна для реализации его замысла, Федоров арендовал землю, ранее принадлежавшую генерал-майору Кундухову, в 40 верстах от Владикавказа, и, закупив различных масляных семян, в 1868 г. приступил «к устройству хутора и, затем, распашке земли, для чего пригласил местных жителей из туземцев. Распашка 110 хозяйственных десятин и уборка посевов этого года обошлись в 2370 р.» [7, 860].

Еще на стадии распашки земли горцы сомневались в правильности идеи Федорова, опасаясь, что тот ошибочно выбрал землю, многократно эксплуатируемую под посевы в прежние годы. Однако Федоров не отступился от задуманного и в итоге получил хороший урожай. Наглядным примером он продемонстрировал возможности этого вида сельскохозяйственного производства в климатических условиях Осетии, чем сподвиг народ на новый вид деятельности: «На следующий 1869 год все 110 десятин были засеяны исключительно одними масляными семенами, без примеси хлебного зерна (овса и гречихи), на что было употреблено почти все количество семян, полученное от урожая предшествовавшего года, с добавлением полутора пуда кунжутного семени и небольшого количества хлопка, для пробы» [7, 861]. Таким образом, его первый опыт увенчался успехом, и он с еще большим энтузиазмом продолжил дело. Следующий эксперимент состоял в том, что Федоров заключил с горцами соглашение, что он выдает всякому желающему взаимы любое количество семян, с условием, что после сбора урожая тот возместит полученный от Федорова посевной материал, а все добытое семя продаст исключительно ему же. Чтобы гарантировать

труд туземцев и обеспечить им бесперебойный сбыт, он решил выдавать деньги под следующий урожай авансом. К тем, кто был еще не знаком с особенностями посева и обработки семян, Федоров лично приезжал в поле, интересовался ожиданиями селянина от предполагаемого урожая в денежном эквиваленте и выплачивал озвученную сумму в обмен на то, чтобы горец взял у него определенные виды семян (конопли, льна или подсолнечника) и засеял ими вспаханный участок. Условия, предлагаемые Федоровым были очень выгодными: «Туземец охотно соглашается на это и получает при наставление, как нужно обходиться с посевом, уходом и уборкой» [7, 863]. Маслобойный завод Федорова, располагавшийся в двухэтажном каменном здании, в виду внесенных владельцем некоторых рациональных упрощений и усовершенствований, в сутки производил до 10 пудов масла.

Фабричная и заводская промышленность Владикавказа процветала и наращивала обороты. Так, к примеру, уже через пять лет, в 1875 г., в городе действовало 194 предприятия, среди которых было: «скотобойных – 3, салотопенных – 11, вытапливающих воск – 2, свечных – 10, мыловаренных – 4, кожевенных – 6, выделяющих овчины – 2, оптовых складов вина и спирта – 7, кирпичных – 64, черепичных – 37, канатных – 3, пиво-медоваренных – 3, известковых – 2, горшечных – 12, водочных – 5, табачных – 2, маслобойных – 4 и хлопчатобумажных – 5» [14, 183].

Развитие Осетии напрямую зависело от ее вовлечения в единое российское хозяйственно-экономическое пространство. Проведение Ростово-Владикавказской железной дороги тесными узами связало Владикавказ с центром, открыло территорию Осетии для продукции, производимой в других российских регионах, существенно расширило ее собственный рынок сбыта. Этой дороге суждено было сыграть «самую блестящую роль, в которой коммерческие, сельско-хозяйственные и фабрично-промысловые интересы края занимают первостатейное место... роковым образом повлиять на поднятие экономического уровня края уже, наконец, потому, что она гарантирует со своей стороны удобство и дешевизну сообщения с главными русскими торговыми рынками. Неминуемое последствие этого – увеличение вывоза местных произведений, за которым всегда и везде следует большее развитие тех отраслей, продукты которых находят спрос и должную оценку [14, 77].

Железная дорога вызвала в населении «большую энергию и большую деятельность в направлении чисто сельскохозяйственном, в котором... замечен недостаток в людях, соединяющих в себе знание, опыт и капитал» [14, 9], вынудило его взяться «за науку разностороннего труда, с целью открыть свои естественные богатства для возможно лучшей культивировки их» [14, 9].

Преимущество получили те населенные пункты Осетии, рядом с которыми была проложена дорога. Так, большой экономический подъем был отмечен в селении Эльхотово, жители которого наращивали объемы сельскохозяйственной продукции с целью ее дальнейшей реализации посредством Ростово-Владикавказской железной дороги: «Можно утвердительно сказать, что здесь не найдется такого домохозяина, который не продавал бы каждой осенью полвагона или целый вагон кукурузного зерна на железную дорогу, для отправки в Ростов и другие торговые пункты» [15].

Прогрессивные тенденции, заложенные культурно-хозяйственной модернизацией во второй половине XIX – начале XX вв. произвели глобальную трансформацию всех сфер жизнедеятельности населения Осетии, вывели его на качественно новый, перспективный путь развития, навсегда отодвинув те архаичные элементы бытия, которые на протяжении длительного времени препятствовали этому.

Преобразования привели к формированию совершенно новых социально-культурных установок: «...наше местное (осетинское) население много подвинулось вперед и в хозяйственно-экономическом отношении, и в умственном... Например, вот в чем теперь выражаются результаты проникающего в народ света цивилизации – из нашего народа мы имеем столяра и слесаря, наборщика и фельдшера, писаря и садовода-винодела, учителя и духовного пастыря, образованного офицера и юриста, окончившего курс в высшем учебном заведении, инженера и доктора, т. е. самый разнообразный контингент представителей интеллигенции, промышленности» [16, 327].

1. Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург. 2004. 643 с.
2. Мальцев А.А. Модернизационная парадигма: теоретические подходы и исторический опыт // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 4. С. 105-108.
3. Кузнецов И.В., Седнев С.Ю. Сельскохозяйственные орудия и машины в России в XIX веке // Наука без границ. 2021. № 9 (61). С. 9-13.
4. Частнов Н.В. Понятие «хозяйственная деятельность» // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 282-284.
5. Статьи неофициальной части «Терских ведомостей» за 1874 год. Владикавказ: Типогр. Терск. обл. правл., 1874. С. 2.
6. Терские ведомости. 1908. № 146.
7. Статьи неофициальной части «Терских ведомостей» за 1870 г. Владикавказ: Типогр. Терск. обл. правл., 1870. С. 500.
8. Статьи неофициальной части «Терских ведомостей» за 1869. Владикавказ: Типогр. Терск. обл. правл., 1869.
9. Статьи неофициальной части «Терских ведомостей» 1876. Владикавказ: Типогр. Терск. обл. правл., 1876.
10. Казбек. 1902. № 1350.
11. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник: в 3 т. Владикавказ: Проект-Пресс, 2017. Т. 3. 1112 с.
12. Терские ведомости. 1899. № 92.
13. Терские ведомости. 1899. № 119.
14. Статьи неофициальной части «Терских ведомостей» за 1875 год. Владикавказ: Типогр. Терск. обл. правл., 1875.
15. Терские ведомости. 1908. № 142.
16. Статьи неофициальной части «Терских ведомостей» за 1877-1878. Владикавказ: Типогр. Терск. обл. правл., 1878.

II. ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Т. Т. Дауева
к.и.н, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ЦЕРКОВНОЕ БРАЧНОЕ ПРАВО: ВЛИЯНИЕ НА ИНСТИТУТ БРАКА ОСЕТИН

Исследование специфики внедрения в семейное пространство новаций церковного брачного права позволяет нам представить процесс перехода от традиционных норм обычно-правовой культуры осетин и формирование нового правового сознания. Однако этот процесс происходил постепенно, и не все трансформации принимались добровольно. Результаты предпринятого анализа правовых новаций в семейном пространстве осетин, указывают на переосмысление аспектов правовой культуры. Автор приходит к выводу, что ни православная церковь, ни государственные органы в XVIII-XIX в., не имели эффективных средств разрешения семейных неурядиц. К исследованию привлечены материалы архивных фондов, законодательные акты и судебная практика соответствующего периода.

Ключевые слова: гендер, архивные источники, семейное пространство, церковное право, обычное право.

The study of the specifics of the introduction of church marriage law innovations into the family space allows us to imagine the process of transition from the traditional norms of the Ossetian legal culture and the formation of a new legal consciousness. However, this process took place gradually and not all transformations were accepted voluntarily. The results of the undertaken analysis of legal innovations in the Ossetian family space indicate a rethinking of aspects of legal culture. The author comes to the conclusion that neither the Orthodox Church nor state bodies in the XVIII-XIX centuries had effective means of resolving family troubles. The materials of archival funds, legislative acts and judicial practice of the corresponding period are involved in the study.

Keywords: gender, archival sources, family space, church law, customary law.

С присоединением Осетии к Российской империи изменению подверглась правовая система осетин. Основой этих изменений стало формирование нового правового сознания. Формируя новации в правовой культуре, российское руководство не могло не вмешаться в брачно-семейную сферу, что подразумевало ее превращение в публично-правовую сферу. Однако это вмешательство не было открытым противостоянием, скорее это была постепенная замена обычно-правовых норм российским законом.

С установлением в регионе российского законодательства одновременно происходил процесс распространения власти русской церкви, что в первую очередь привело к утверждению православных идей брачного союза, а также к дополнительному контролю отношений членов семьи друг с другом со стороны приходских священников.

Предметом исследования в настоящей статье выступают некоторые нормы церковного брачного права, актуальные для XVIII-XIX вв., их соотношение с нормами светского российского права и обычно-правовых норм осетин. Задачами исследования являются выявление деятельности институтов, имевших функции регуляции семейных отношений осетин, исследование новых правил заключения брачного союза, а также бракоразводного процесса, демонстрация на базе источников реальной практики. Новизна исследования заключается в осуществлении комплексного исследования действующих форм правовой культуры в динамике развития института семьи осетин в XVIII-XIX вв.

Одним из актуальных для нашего исследования разделов церковного права является брачное право. В царской России нормы церковного права, регулирующие брачные отношения, включались в правовую систему государства [1, 75]. К аспектам, которые регулировало церковное право относились: условия заключения брака или препятствия к браку; прекращение брака. Остальные вопросы, в частности, способ или форма заключения брака, имущественные отношения супругов, право на наследство оставались во внутрисемейном ведении, то есть решались на обычно-правовой основе.

Все нормы, регулирующие брачные отношения, содержались в книге первой Свода законов гражданских, которая носила название «О правах и обязанностях семейственных» [2].

Приходские священники обязывались докладывать о произошедших событиях в епархию Владикавказа, а те, в свою очередь,

обращались к Начальнику округа или области. В качестве примера приведем вопрос брачно-семейной сферы, вынесенный епархией на повестку. В 1893 г. епископ Иосиф просил распространить на осетин право вступать в брак по достижении женихом 15 лет, а невестой 13 лет. Приведенный возрастной ценз была характерен для закавказских народов. Следует уточнить, что среди осетин был принят возрастной ценз для вступления в брак для лиц мужского пола – 18 лет и 16 лет для женского. Начальник области отклонил предложение, обосновав его тем, что домашний быт осетин требует очень сильного тяжелого труда, а слишком юные девушки и молодые парни просто не справятся с тяжелой бытовой сферой семейной жизни [3, 6].

Приходскому духовенству было предписано вести метрические книги, где записывались акты заключения браков, рождения и смерти. Для нас данный вид источника достаточно интересен с точки зрения установления статуса членов семьи в условиях ведения подушного обложения и установления иных прав, обязанностей и ограничений отдельных сословных групп. Для администрации данные книги являлись источником достоверной информации о населении края, что было необходимо в условиях проведения «ревизий» населения.

Метрические книги велись церковнослужителями в двух экземплярах. Первый отправлялся в духовную консисторию, а второй оставался в приходской церкви. Книги состояли из трех разделов (о рождении, о бракосочетании, о смерти) и оформлялись одним церковнослужителем или несколькими по очереди (обычно не более трех человек). Каждая запись завершалась подписью лица, совершившего требу. Метрические книги велись в приходе, как правило, в течение 5-20 лет. Хронологические рамки их заполнения зависели от частоты случаев рождения, венчания и смертей в приходе и общего числа прихожан. Одна книга объединяет в себе три вида записей гражданского состояния прихожан: о рождении, браке и смерти отдельного лица. В качестве примера рассмотрим Метрическую книгу о рождении, браке и смерти по Хумалагской церкви 1863 г. В разделе «заключение брака» о сочтавшихся браком парах дается следующая информация: имена и возраст молодоженов, имена отцов невесты и жениха, национальность, возраст, вероисповедание, имена и фамилии двух свидетелей с каждой стороны [4].

Однако, принятые в осетинской традиции некоторые нормы и установки не соответствовали каноническим нормам. Статья 85. Свода законов гражданских, запрещала российским подданным православного вероисповедания вступать в брак с нехристианами [1]. С христианской точки зрения брак с иноверным был «нетверд». Указанная статья оказалась достаточно актуальна для Осетинского округа, в котором помимо православного населения, часть осетин исповедовала ислам. Как указывают исследователи, в силу поверхностного усвоения догм христианской и магометанской религий, осетины до определенного периода вообще не придерживались религиозных запретов в брачных отношениях. Справедливости ради стоит указать, что запрещались любые межконфессиональные браки. Так, 1832 году, брак штабс-капитана Павла Рейцмера католического вероисповедания с осетинкой И. Бароевой православного вероисповедания был расторгнут... [5, 10]. А к «обыску» для совершения венчания оружейного мастера кавказского саперного батальона католика Альберта Штеберга с православной Д. Т. была прикреплена подписка следующего содержания: «...воспитанием детей от сего брака буду поступать согласно с законами государства Российского, то есть буду крестить и воспитывать их в православной вере» [5, 160].

Одной из критериев сохранения канонических мер было установление некоторых процедур, направленных на выяснение наличия или отсутствия препятствий к браку. К таковым относится так называемый «обыск», который производил местный священник, в целях подтвердить законность брака, а также выдать епархиальными властями указ-предписание произвести венчание после «обыска». Так называемый брачный или предбрачный обыск составлялся священником и содержал 10 обязательных пунктов. Приведем обязательных 10 пунктов «обыска» из архивного дела, из «Книги станицы Змейской для записи предбрачных обысков по установленной для его форме для всех неукоснительно»:

- 1) жених ФИО, вероисповедание, место жительства;
- 2) невеста ФИО, чья дочь, вероисповедание, место жительства;
- 3) возраст к супружествующим – совершенный, а именно ...;
- 4) «родства между ними духовного или плотского и свойства возбраняющего по установлению святой церкви брак, никакого нет», а также обязательна фраза «оба находятся в здравом уме». Данный пункт достаточно интересен тем, что в обысках, которые мы ана-

лизировали, не содержатся медицинские справки или какие-либо гражданские акты о дееспособности брачующихся. Состояние здоровья определяли те, кто совершал обряд над ними;

5) жених и невеста – оба вторым браком, или жених холост, невеста девица;

6) к бракосочетанию приступают по своему взаимному согласию и желанию, а не по принуждению и с дозволения от своего начальства и родственников;

7) по троекратному оглашению, сделанному в означенной церкви, препятствия к сему браку никакого никем не объявлено;

8) для удостоверения беспрепятственности сего брака представляются письменные документы Змейского станичного управления за № 22, прилагается при сем подлинник о дозволении жениха и невесты на вступление их в брак;

9) бракосочетание указанных лиц предположено совершить в вышеупомянутой церкви – дата при постоянных свидетелях;

10) все сказанное здесь о женихе и невесте справедливо, в том удостоверяют своей подписью как они сами, так и по каждому по 2 поручителя. С тем что окажется ложным, подписавшиеся повинны будут суду по правилам церковным и законов гражданских. Подписи священника и причетника.

К обыску прилагались документы, в которых содержались выписки из посемейных списков о возрасте, вероисповедании и отсутствие препятствий к браку брачующихся. Данное удостоверение выдавалось сельским старостой или старшиной [5; 47,103,160].

Согласно христианской морали прелюбодеяние являлось тяжким грехом. Наказание виновного было достаточно серьезным – расторжение брака, церковное покаяние, а также тюремное заключение сроком от четырех до восьми месяцев. Следует отметить, что в доступных нам источниках не было найдено ни одного бракоразводного процесса по причине прелюбодеяния, что наталкивает на вывод о том, что все-таки бракоразводный процесс мог оставаться в ведении обычно правовой сферы и решался на внутрисемейном совете.

Следует указать на брачное право для мусульманского населения. Мусульманам разрешалось двоеженство, с той оговоркой, что жены также должны быть мусульманского вероисповедания. Согласно распоряжению кавказской администрации в 1855 г., «... Наместник Кавказский изволил найти необходимым: купленных

уже магометанами до настоящего времени и вышедших за них христиански девиц христианского вероисповедания, оставить без преследования и взыскания, так как подобные случаи произошли от народного обычая, усвоенного временем и никем еще не запрещенного. Но на будущее время подобные браки, как противные христианской религии, строго воспретить, и для того, поступающих к магометанам, по каким бы то ни было случаям, христианских девиц отбирать и возвращать к родственникам-христианам со взысканием с них штрафов и денег, полученных ими за своих дочерей и родственниц» [6]. Действительно, в архивных материалах мы находим подтверждения «борьбы» с подобными браками. Приведем несколько фактов, имевших место. Мулла селения Салугардан Кавдин Мадзаев взял в супружество христианку Нарского участка Марию Кадаеву и «совратил» в магометанство [7, 31]. Донифарский житель мулла Хаджимет Хетагов незаконно сожительствует с христианкой Госаймахо Агуевой. Суд вынес решение разлучить, наложить штраф в размере 300 руб. [8].

Развод у мусульман регулировался законами шариата, которые предусматривали развод по взаимному согласию и по воле мужа в одностороннем порядке. Российская администрация могла вмешаться в бракоразводный процесс в случае обращения одной из сторон, вызывала в качестве свидетеля муллу, заключившего никах, а также, судя по имеющимся у нас источникам, суд мог постановить «решить вопрос согласно шариатским нормам».

Весьма интересна процедура разбора конфликта. Несмотря на имеющиеся рычаги воздействия на население и возможность применить санкции, с просьбой разрешить ситуацию священнослужители письменно обращались во Владикавказскую епархию, которые в свою очередь перенаправляли жалобу Начальнику округа. В судебном порядке рассмотрев дело, суд мог вынести постановление, смысл которого сводился к решению вопроса согласно народному обычаю, передать дело третейским судьям поселения, либо вынести наказание на основании уголовного или гражданского права Российской империи.

Внедрение российского права повлекло превращение семейного права осетин в публично-правовую сферу, в рамках которой регулирование всех отраслей института семьи должно было происходить под юрисдикцией и церкви и государства. Можно сделать вывод о том, что церковное брачное право регулировало условия

заклучения брака, частично вопрос его прекращения, в то время как обычное семейное право охватывало более широкий круг вопросов. Система урегулирования брачно-семейных конфликтов осетин была развита и самодостаточна и не требовала использования новейших ресурсов – церковного права и законов Российской империи.

-
1. Сеидеркин Н.А. Создание первого брачно-семейного кодекса. М., 1989.
 2. Свод законов Российской Империи. СПб., 1914. Т.Х. Ч. 1.
 3. Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания Ф. 12. Оп. 2. Д. 526.
 4. ЦГА РСО-А. Ф. 296. Оп. 1. Д. 448.
 5. ЦГА РСО-А. Ф. 143. Оп. 1. Д. 53.
 6. Закавказский вестник. 1855, №4.
 7. Канукова З.В. Женское пространство в пореформенной Осетии // Северная Осетия: история и современность. Сборник научных трудов. Владикавказ, 2004. С. 26-33.
 8. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3. Д. 181.

С. Г. Кцоева,
дин, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(Владикавказ)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ «KAVKAZ-FORUM»: ТРАДИЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

«KAVKAZ-FORUM» – новый журнал, издаваемый Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева с 2020 года. Он был задуман как площадка для публикации материалов научных конференций, проводимых институтом, среди которых, уже ставшие брендовыми «Всероссийские Миллеровские чтения», «Нартоведение на рубеже XX – XXI вв.», «Гуриевские чтения», «Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность». «KAVKAZ-FORUM», таким образом, является продолжателем издательских традиций института, интегрирующим преемником перечисленных одноименных изданий, прежде публиковавшихся в качестве самостоятельных научных сборников. Издание ставит целью способствовать развитию фундаментального знания в области социально-гуманитарных наук по всем проблемам современного кавказоведения. Журнал специализируется на публикации статей по вопросам истории, археологии, историографии, источниковедения и методов исторического исследования, этнологии, эпиграфики, теоретической, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, медиакommunikации и журналистики, фольклористики, искусствоведения и ряда других дисциплин социально-гуманитарного профиля.

Ключевые слова: журнал «KAVKAZ-FORUM», рубрика «Исторические науки», анализ публикаций, кавказоведение, осетиноведение.

«KAVKAZ-FORUM» is a new magazine published by the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after V. I. Abaev since 2020. It was conceived as a platform for the publication of materials from scientific conferences held by the Institute, including the already branded «All-Russian Millerovo Readings», «Narrative Studies at the Turn of the XX-XXI Centuries», «Guriev Readings», «Genealogy of the Peoples of the Caucasus. Traditions and Modernity». «KAVKAZ-FORUM», thus, is the successor of the publishing traditions of the Institute, integrating the successor of the listed names of the same name, previously published as independent scientific journals. The publication aims to contribute to the development of fundamental knowledge in the field of social sciences and humanities on

all problems of modern Caucasian studies. The journal specializes primarily in the publication of articles on history, archeology, historiography, source studies and methods of historical research, ethnology, epigraphy, theoretical, applied and comparative linguistics, media communication and journalism, folklore, art history and a number of other disciplines of a social and humanitarian profile.

Keywords: the journal «KAVKAZ-FORUM», heading «Historical sciences», analysis of publications, Caucasian studies, Ossetian studies.

В настоящей статье представлен анализ только тех статей, которые были опубликованы в журнале «KAVKAZ-FORUM» в рубрике «Исторические науки». Их тематический охват весьма широк. Среди авторов есть как известные ученые, видные историки-кавказоведы России и зарубежья, так и те, кто сравнительно недавно ступил на научное поприще.

Очень интересны материалы ученого из Украины К. Ю. Рахно. В журнале «KAVKAZ-FORUM» им опубликован ряд статей, в которых излагаются основные аспекты его выступлений на научных конференциях, проводимых СОИГСИ им. В. И. Абаева. Так, его статья «Обманутый защитник в фольклоре осетин и религиозных легендах Памира» [1, 105-115] посвящена одной из осетинско-памирских фольклорных параллелей. На основе привлечения иранских параллелей анализируются попытки ряда ученых вскрыть историческую подоплеку легенды о склепе Сослана. Важное значение отводится пониманию связанной с этим логики обрядовой практики. Также ставится под сомнение гипотеза о происхождении поклонения Сослану из почитания христианского пророка Иоанна Крестителя.

Статья К. Ю. Рахно «Иранские эпические мотивы в «Тарасе Бульбе» Николая Гоголя» [2, 90-101] рассматривает эпические сюжеты осетинского нарттовского эпоса. Нарттоведение – одно из наиболее перспективных исследовательских направлений, а в силу того, что на нарттовский эпос как на культурное наследие претендует целый ряд народов, резко актуализируется вопрос о научной интеграции нарттоведческих исследований и обмена исследовательским опытом. Впервые анализируются фольклорно-эпические мотивы иранского происхождения, которые наличествуют в исторической повести «Тарас Бульба» Николая Гоголя. Они обнаруживают параллели как в нарттовском эпосе осетин, так и в поэме Фирдоуси «Шахнаме», сказаниях таджиков Систана и татов Дагестана.

В статье того же автора «Рожденный скалой: монгольско-тибетские фольклорные параллели к осетинскому нарттовскому эпосу» [3, 112-126] впервые исследуются параллели между мотивами нарттовских сказаний и монгольским фольклором, преимущественно героическим эпосом. Прежде всего, речь идет о мотиве рождения из камня, являющемся в нарттовском эпосе осетин важной частью биографии нарта Сослана.

В статье К. Ю. Рахно «Проблемы изучения карачаево-балкарских нарттовских сказаний в свете наблюдений Всеволода Миллера» [4, 100-122] впервые в качестве источника, содержащего информацию о происхождении карачаевцев и балкарцев, привлекаются материалы бытующих у них нарттовских сказаний.

Особый интерес представляет статья того же автора «Дзерасса – богиня тамплиеров» [5, 56-78]. Ее актуальность определяется всевозрастающим интересом, с одной стороны, к проблемам западной медиевистики (Средневековье прочно вошло в моду массовой культуры, что во многом актуализирует разработку проблем средневековой европейской истории), с другой – к алаано-германским параллелям. В свое время эту волну исследований всколыхнула публикация Ф. Кардини, посвященная средневековому рыцарству и его связям с миром ираноязычных кочевников. В настоящей статье на основе нарттовского эпоса рассматривается одна из таких параллелей. Впервые осуществляется критический анализ источников (большой частью нарттовских сказаний) по данной проблеме. Выводы автора указывают на достоверность полученных сведений.

Статья К. Ю. Рахно «Ассирийские параллели к нарттовскому эпосу осетин» [6, 87-105] впервые исследует ассирийские параллели к осетинскому нарттовскому эпосу, в ней выявляются конкретные сюжетные и символические сходства.

Крупным исследователем в области археологии и этнографии Кавказа А. А. Туаллаговым также опубликованы статьи, посвященные сравнительным исследованиям в рамках осетинского нарттоведения. В его статье «Осетинский эпос и археология» [7, 84-91] анализируется образ ящерицы в осетинском нарттовском эпосе. Ее актуальность обусловлена необходимостью поисков связей между археологическими артефактами и эпическими описаниями. Научная новизна исследования заключается в анализе материалов осетинского эпоса в свете древнеиранских религиозно-мифологических представлений и археологических памятников.

В другой статье А.А. Туаллагова «Об источниках и методах» [8, 51-73] рассматриваются вопросы исследования этнической религии осетин. В силу сложности они по сей день относятся к числу наиболее малоизученных. Актуальность представленной в статье темы (проблемы происхождения образа осетинского святого Николы как представителя божественных сил осетинских традиционных представлений) определяется возникшим дискуссионным моментом в исследовании данного божественного образа, а также методологическими подходами при его реализации. Автор впервые верифицирует данные образа Никколы как одного из представителей осетинского пантеона в контексте монотеистических и политеистических представлений.

Еще одна статья А.А. Туаллагова «Алано-осетинские фынги и нартовский эпос» [9, 94-111] интересна своей междисциплинарностью. Актуальность рассматриваемой проблемы определяется наличием изданного обширного корпуса нартовских сказаний, что позволяет, с одной стороны, выделить в полном объеме характерные признаки данного объекта, а, с другой – сопоставить их с данными археологии и этнографии. Научная новизна работы состоит в междисциплинарном подходе к исследованию, который обеспечивается, в том числе, впервые привлекаемыми к анализу материалами.

В продолжение анализа работ А.А. Туаллагова, опубликованных в журнале «KAVKAZ-FORUM» следует отметить еще одну его статью – ««Тайна» древнего напитка» [10, 38-55]. Статья посвящена актуальной с научной точки зрения теме, связанной с восстановлением артефакта материальной культуры алан – мифического напитка «ронг». В статье предпринимается попытка составления его рецептуры. К моменту фиксации сведений о напитке сам напиток осетинами уже не изготавливался, а информация о нем присутствовала лишь в устном фольклоре. В то же время существование другого напитка – *сванского ранга*, привело к отождествлению его с аланским ронгом, что, в свою очередь, привело к убеждению о его аналогичном приготовлении. Это послужило причиной рождения современного социального мифа об аутентичности рецептуры ронга, к популяризации его производства в домашних и в промышленных условиях, что противоречит как характеристике напитка, так и иным сведениям фольклорного и этнографического характера. Этим определяется актуальность проблемы. Впервые осуществляется критический анализ источников (большой частью нартовских

сказаний) по данной проблеме. Выводы автора указывают на достоверность полученных сведений.

Интересной работой по археологии является статья Г.Н. Вольной (Керцевой) «Позднесредневековые памятники на поляне Мацута Дигорского ущелья» [11, 101-119]. Представленный в статье обстоятельный археологический анализ памятников упомянутого периода обладает безусловной научной ценностью. В статье впервые представлен комплекс археологических памятников на Поляне Мацута Дигорского ущелья: памятники, их расположение, история изучения.

Нельзя не отметить работы другого крупного ученого-осетиноведа, специалиста в области исторической генеалогии И.-Б.Т. Марзоева. Так, в его статье «Основатель города Беслан – Беслан Тулатов» [12, 95-104] анализируется генеалогическое древо тагаурского алдара Беслана Тулатова. В результате проведенного исследования составлена целостная картина генеалогии тагаурского алдара Беслана Тулатова, в которую вошли представители его семьи, а также их брачные связи. Собранные материалы представлены в виде генеалогической схемы. Основываясь на полученном материале, автор делает выводы по определенным спорным вопросам в генеалогическом древе Тулатовых. В частности, по вопросу о происхождении героя народных осетинских песен Чермена Тулатова (расходящихся данных по этому вопросу в различных источниках). Выводы основываются на представленных в работе материалах и полученных результатах исследования.

В другой статье И.-Б.Т. Марзоева «Осетино-персидские социально-политические связи и родственные отношения в XIX-начале XX вв.» [13, 74-82] исследуется тема осетино-персидских отношений. В данной статье синтезированы материалы, полученные из исторических документов, произведений устного народного творчества и генеалогических источников. Впервые вводится в научный оборот фото-, архивный и биографический материал, который послужит ценным источником информации для дальнейших исследований истории Осетии и Ирана.

Не менее интересна статья И.-Б.Т. Марзоева «Осетины – кавалеры персидского ордена Льва и Солнца» [14, 72-86]. Исследовательское поле настоящей статьи находится в рамках персональной истории, приобретшей актуальность вследствие антропологического поворота в исторических исследованиях. Автор видит научную новизну

работы в выявлении максимально полной информации о фактах награждения персидским орденом Льва и Солнца представителей Осетии, принимавших участие в формировании основ иранской регулярной армии. Действительно, в статье представлены подробные описания всех кавалеров упомянутого ордена, снабженные их биографическими справками, фотографическими портретами. Иллюстративный материал статьи представляет историческую ценность.

Разработку еще одной проблемы генеалогии осетин представляет статья И.-Б.Т. Марзоева «Фамилии Алагирского общества Северной Осетии в документах и материалах XIX в.» [15, 105-121]. Эго-история и генеалогия – актуальные направления современной исторической науки. Этим обусловлена актуальность исследуемой в данной статье проблемы. На основе неопубликованных архивных материалов автор статьи исследует происхождение фамилий Алагирского общества, по преданию являвшихся потомками легендарного Ос-Багатара, воссоздает их генеалогические древа, добывает информацию о представителях рассматриваемых фамилий, их браках, а также устанавливает их социально-политическую значимость в своем обществе и в Осетии в целом.

В продолжение темы генеалогии следует отметить работу исследователя из Армении Р.М. Абрамяна «Аравелеаны: аланский компонент в генеалогии армянской аристократии» [16, 120-130]. Особый интерес для истории Алании и армяно-аланских связей представляет нахарарство Аравелеанов, связанное, согласно Мовсесу Хоренаци, с родом царевны Сатиник. Впервые на основе всего корпуса нарративных и эпиграфических источников собраны сведения об известных на сегодняшний день представителях рода Аравелеанов. Выявлена информация о семи носителях фамилии V-VII вв.

Интересная статья, посвященная этнографической тематике, – публикация З.В. Кануковой и Б.Т. Цогоева «Знаковые функции и символы одежды в нартовском эпосе осетин» [17, 80-93]. Проблемы изучения нартовского эпоса не только как памятника устного народного творчества, но как исторического источника приобретают все большую актуальность. Исследование эпических текстов открывает широкие возможности для реконструкции некоторых архаичных форм материальной культуры. В настоящей статье в частности воссоздаются некоторые представления об одежде, прослеживаются тенденции их бытования в общественной динамике, в изменившейся среде обитания, в условиях внешних влияний и взаимодействий

с инокультурным окружением. Впервые с позиций исторической этнологии анализируются социально-символические функции одежды в осетинском нартовском эпосе, проводятся сравнительные параллели эпических описаний элементов одежды с богатым наработанным этнографическим материалом.

К публикациям, посвященным различным проблемам этнической религии осетин, относятся работы С.Г. Кцоевой. Так, в статье «Структурная антропология Клода Леви-Стросса как метод изучения этнической религии осетин» [18, 83-90]. Актуальность исследования определяется всевозрастающим интересом к этнической религии осетин, что, в свою очередь, актуализирует передовые методы ее изучения. Среди них одно из наиболее значимых мест занимает метод структурной антропологии Клода Леви-Стросса, апробации которого на осетинском материале посвящена настоящая статья. В ней впервые представлена апробация структурной методологии Клода Леви-Стросса как наиболее оптимальной для изучения традиционной культуры осетинских горцев, в частности, их религиозных представлений в указанный период.

В статье С.Г. Кцоевой «Т.А. Гуриев об эволюции божества Сафы» [19, 79-89] анализируются авраамистические реминисценции как теонима, так и сущности божества традиционного осетинского пантеона Сафы. Статья представляет собой интегральный сравнительный анализ исследуемого объекта сквозь призму концепции Сафы, принадлежащей Т.А. Гуриеву. Многие аспекты религиозной системы осетин остаются спорными, в силу чего требуют научного изучения. Одной из таких проблем является сущность божества традиционного осетинского пантеона Сафы, о котором отсутствует единое представление как в системе традиционного религиозного мировоззрения, так и в науке.

Еще одна статья С.Г. Кцоевой «Культ огня, воды и чистоты, или элементы зороастризма в этнорелигиозной традиции осетин» [20, 91-104]. Впервые на основе печатных источников рубежа XIX-XX вв. исследуются некоторые сходства этнорелигиозной традиции осетин с зороастрийскими компонентами, связанными с культом огня, воды и чистоты.

Проблеме зороастрийских заимствований в осетинской религии также посвящена статья Б.А. Битиева «Культ огня в погребальной обрядности иранских народов» [21, 116-125]. Параллели в обрядности между осетинами и остальными иранскими народами яв-

ляются перспективными и интересными, но малоисследованными вопросами этнологической науки. Новизна исследования заключается в том, что в статье рассмотрен вопрос идентичности элемента погребальной обрядности и происхождение его от общеарийской основы. В тоже время статью можно дополнить материалом об обрядности малых памирских и афганских народов.

Бицоти Б. Б. «Опыт познания религии осетин А. М. Шёгрена в контексте политики администрации Кавказского края» [22, 123-137]. Тематика статьи актуализируется всевозрастающим вниманием со стороны современного осетинского социума вообще и научного сообщества – в частности, в отношении этнической религии осетин. Проблемы, с ней связанные, интересуют все более широкий круг ученых-осетиноведов. В этой связи острую актуальность приобретает повторное и более критическое прочтение источников, изученных прежними поколениями исследователей в различных общественно-политических условиях. Впервые в контексте изучения этнической религии осетин критически анализируется публикация А. М. Шегрена, посвященная религиозным верованиям осетин, появившаяся в периодических изданиях «Маяк» и «Кавказ» соответственно в 1843 и 1846 гг.

В заключение анализа этнологических исследований, опубликованных в журнале, следует отметить статью А. А. Багаева «Пастушья субкультура у осетин» [23, 113-123]. В традиционном обществе культивируемые мужскими сообществами ценности оказывают значительное влияние на формирование и развитие личности, что, в свою очередь, воздействует на развитие всего социума. Субкультура никогда не появляется из пустоты, она всегда базируется на более ранней культуре, трансформацией которой она является. В этой связи, для понимания закономерностей развития современного общества, необходимо всестороннее изучение субкультур прошлого. Вследствие этого актуальность исследования мужских субкультур очевидна. В статье рассматривается пастушья субкультура, которая в прошлом являлась одной из самых устойчивых и распространенных мужских профессиональных субкультур у осетин.

Интересны работы, посвященные конкретно-исторической тематике. Среди них – статья Янки Теодоры Надь (Венгрия) «Влияние Вс. Ф. Миллера на исследование венгерского/яского обычного права» [24, 83-89]. Российское государство начало придавать все большее значение правовым обычаям, существующим среди

различных этнических групп с начала 19-го века, признавая право народов, включенных в орбиту российской государственности, самим управлять собственной повседневностью в соответствии с традиционными моральными нормами и правовыми обычаями. В Венгрии эта практика и значение этих исследований были подробно рассмотрены выдающимся исследователем обычного права Карой Тагани. Впервые на основе правовых обычаев на Кавказе по материалам Вс. Ф. Миллера в 1878 г. исследуется народное право яссов (родственного осетинам этноса) в Венгрии.

В статье И. Т. Цориевой «Формирование архивной службы в Северной Осетии в 1920-1930-е гг.» [25, 73-82], актуальность проблемы обусловлена ростом значения архивов в современном обществе как носителей объективной памяти народов, хранителей уникальных документальных свидетельств о прошлом. Они обеспечивают непрерывность и преемственность историко-культурного процесса, что обуславливает высокий общественный статус и объясняет научный интерес к истории архивного дела в России и в ее национальных регионах. Впервые рассматривается процесс организационно-правового оформления архивной службы в Северной Осетии, входившей до 1924 г. в состав Терской области, а затем и Горской республики. Автор выясняет особенности организации и развития архивного дела в регионе в 1920-1930-е гг.

Работа Л. К. Гостиевой «Б. А. Калоев о научном вкладе В. И. Абаева в этнографическую науку» [26, 91-99] была представлена на конференции «Абаевские чтения». В 2020 году отмечался очередной юбилей В. И. Абаева – выдающегося ученого-лингвиста, внесшего фундаментальный вклад в развитие целого ряда направлений осетиноведческих исследований. Актуальность изучения его вклада в науку возрастает с каждым годом в силу расширения исследований. Впервые изучен вклад В. И. Абаева в развитие этнографической науки по данным Б. А. Калоева. Показана значимость теории субстрата, в разработке которой ученый принимал активное участие с 1920-х гг. Акцентируется внимание на заключении В. И. Абаева о том, что в этногенезе осетин превалировал иранский элемент, несмотря на сильную местную кавказскую среду, субстрат.

Истории идей посвящена статья С. А. Айларовой ««Когда мы вооружимся знанием...». Осетинские просветители о роли образования в формировании хозяйственной культуры (нач. XX в.)» [27, 51-63]. Статья касается разработки актуальной проблемы модерни-

зации горской части традиционного осетинского общества в начале XX в. Рассматривается роль образования в становлении новой (капиталистической) хозяйственной культуры горцев в преломлении идей осетинских просветителей, что, в свою очередь, также актуализирует материалы статьи в связи с растущей популярностью истории идей в современной исторической науке. Новизна исследования состоит в том, что обозначенная проблема рассматривается сквозь призму общественной мысли – публицистического наследия осетинских просветителей Х. Уруймагова и М. Гарданова.

Истории Терского казачества посвящена статья Ф.С. Киреева «Восстановление войскового самоуправления в Терском казачьем войске весной 1917 г.» [28, 90-100]. В отечественной историографии нет работ, специально посвященных восстановлению выборности власти в Терском казачьем войске. Следовательно, научная новизна исследования определяется тем, что впервые предпринята попытка хронологической реконструкции истории создания войсковой системы самоуправления Терского казачества.

Визуальная антропология – направление, набирающее популярность. В этой связи интересна статья К. Алиевой (Азербайджан) «Храмовые скульптуры манейских магов и их изображение на Тебризском ковре XIX в.» [29, 64-81]. Актуальность темы обусловлена высокой степенью популярности религиозных исследований, касающихся изучения инакорелигиозных реминисценций в авраамических религиях, в частности – исламе. Кроме того, актуальность статьи определяется тем, что в качестве основного анализируемого источника выступает визуальный материал – изображения на тебризском ковре.

Разумеется, материалы данной статьи не исчерпывают всей тематики публикаций журнала «KAVKAZ-FORUM». Я постаралась охватить лишь наиболее значимые из рубрики «Исторические науки». Хочется надеяться, что журнал привлечет внимание более широких кругов заинтересованной научной общественности, которые по каким-то причинам еще не публиковали в нем результатов своих исследований.

1. Рахно К. Ю. Обманутый защитник в фольклоре осетин и религиозных легендах Памира // KAVKAZ-FORUM, 2020. № 1 (8).
2. Рахно К. Ю. Иранские эпические мотивы в «Тарасе Бульбе» Николая Гоголя // KAVKAZ-FORUM, 2020. № (9).
3. Рахно К. Ю. Рожденный скалой: монгольско-тибетские фольклорные параллели к осетинскому нарттовскому эпосу // KAVKAZ-FORUM, 2020. № 3 (10).
4. Рахно К. Ю. Проблемы изучения карачаево-балкарских нарттовских сказаний в свете наблюдений Всеволода Миллера // KAVKAZ-FORUM, 2020. № 4 (11).
5. Рахно К. Ю. Дзерасса – богиня тамплиеров // KAVKAZ-FORUM, 2021. № 5 (12).
6. Рахно К. Ю. Ассирийские параллели к нарттовскому эпосу осетин // KAVKAZ-FORUM, 2021. № 6 (13).
7. Туаллагов А. А. Осетинский эпос и археология // KAVKAZ-FORUM, 2020. № 1 (8).
8. Туаллагов А. А. Об источниках и методах // KAVKAZ-FORUM, 2020. № 2 (9).
9. Туаллагов А. А. Алано-осетинские фынгы и нарттовский эпос // KAVKAZ-FORUM, 2020. № 3 (10).
10. Туаллагов А. А. «Тайна» древнего напитка // KAVKAZ-FORUM, 2021. № 5 (12).
11. Вольная (Керцева) Г. Н. Позднесредневековые памятники на поляне Мацута Дигорского ущелья // KAVKAZ-FORUM, 2021. № 5 (12).
12. Марзоев И.-Б. Т. Основатель города Беслан – Беслан Тулатов // KAVKAZ-FORUM, 2020. № 1 (8).
13. Марзоев И.-Б. Т. Осетино-персидские социально-политические связи и родственные отношения в XIX-начале XX вв. // KAVKAZ-FORUM, 2020. № 2 (9).
14. Марзоев И.-Б. Т. Осетины – кавалеры персидского ордена Льва и Солнца // KAVKAZ-FORUM, 2021. № 6 (13).
15. Марзоев И.-Б. Т. Фамилии Алагирского общества Северной Осетии в документах и материалах XIX в. // KAVKAZ-FORUM, 2021 № 7 (14).
16. Абрамян Р. М. Аравелеаны: аланский компонент в генеалогии армянской аристократии // KAVKAZ-FORUM, 2021. № 5 (12).

17. Канукова З. В., Цогоев Б. Т. Знаковые функции и символы одежды в нарттовском эпосе осетин // KAVKAZ-FORUM, 2020. № 3 (10).
18. Кцоева С. Г. Структурная антропология Клода Леви-Стросса как метод изучения этнической религии осетин // KAVKAZ-FORUM, 2020. № 4 (11).
19. Кцоева С. Г. Т. А. Гуриев об эволюции божества Сафа // KAVKAZ-FORUM, 2021. № 5 (12).
20. Кцоева С. Г. Культ огня, воды и чистоты, или элементы зороастризма в этнорелигиозной традиции осетин // KAVKAZ-FORUM, 2021. № 7 (14).
21. Битиев Б. А. Культ огня в погребальной обрядности иранских народов // KAVKAZ-FORUM, 2020. № 1 (8).
22. Бицоти Б. Б. Опыт познания религии осетин А. М. Шёгрена в контексте политики администрации Кавказского края // KAVKAZ-FORUM, 2020. № 4 (11).
23. Багаев А. А. Пастушья субкультура у осетин // KAVKAZ-FORUM, 2020. № 2 (9).
24. Надь Я. Т. Влияние Вс. Ф. Миллера на исследование венгерско-якского обычного права // KAVKAZ-FORUM, 2020. № 2 (9).
25. Цориева И. Т. Формирование архивной службы в Северной Осетии в 1920-1930-е гг. // KAVKAZ-FORUM, 2020. № 4 (11).
26. Госиева Л. К. Б. А. Калоев о научном вкладе В. И. Абаева в этнографическую науку // KAVKAZ-FORUM, 2020. № 4 (11).
27. Айларова С. А. «Когда мы вооружимся знанием...» Осетинские просветители о роли образования в формировании хозяйственной культуры (нач. XX в.) // KAVKAZ-FORUM, 2021. № 7 (14).
28. Киреев Ф. С. Восстановление войскового самоуправления в терском казачьем войске весной 1917 г. // KAVKAZ-FORUM, 2021. № 5 (12).
29. Алиева К. Храмовые скульптуры манейских магов и их изображение на Тебризском ковре XIX в. // KAVKAZ-FORUM, 2021. № 7 (14).

III. АРХЕОЛОГИЯ. ЭТНОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Р.Г. Дзаттиаты,
дин, внс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

О МАСЛОБОЙКАХ В ОСЕТИИ

Сбивание сливочного масла из молока или сливок у осетин – потомков скифов, сармато-алан – имеет древнюю традицию, отмеченную античными авторами. Наличие глиняных маслоек в материалах средневекового Едысского городища подтверждает эту хозяйственную традицию, прошедшую средневековье и дошедшую до нашего времени.

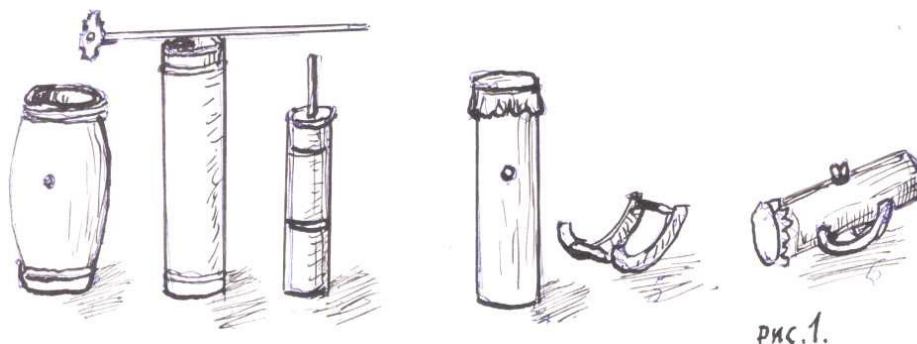
Ключевые слова: маслобойка, молоко, сливки, масло, деревянные сосуды, керамические изделия.

Churning butter from milk or cream among the Ossetians – the descendants of the Scythians, Sarmatian-Alans – has an ancient tradition noted by ancient authors. The presence of clay churns in the materials of the medieval Edyssky settlement confirms this economic tradition that has passed the Middle Ages and has come down to our time.

Key words: churn, milk, cream, butter, wooden vessels, ceramic products.

Переработка молочной продукции у осетин, начиная от их генетических предков – скифов и сармато-алан, была на высоком уровне. Даже в позднейшие времена и до сих пор пользуются успехом у потребителя осетинские сыр и масло, о чем свидетельствуют престижные награды выставок [1, 100]. Изготовление масла до настоящего времени имеет незыблемую технологию. Разница в изготовлении масла в Северной и Южной Осетии только в использовании различных типов маслоек. В Северной Осетии – преимущественно в долбленной деревянной посудине *хъуылæг* с подвижным вертикальным штоком – мутовкой, а в Южной Осетии – также в дере-

вянном сосуде *къуыстил* путем раскачивания на каталке *къæрæби*. Оба типа снабжены отверстием в верхней части стенки сосуда для выхода газов, образующихся при работе (рис. 1).

Технология незамысловата: в сосуд заливают молоко или снятые сливки, но не наполняют сосуд доверху, оставляя объем для выделяющихся газов. Двигая мутовкой-поршнем вниз-вверх или раскачивая сосуд на каталке – энергично приводят в движение залитую массу. Через определенное время периодически выпускают образующийся газ через отверстие, которое во время работы заткнуто пробкой – *къæрмæг*. Молоко или сливки в процессе работы разделяются на пахтанье – *мисын* и частички масла, плавающие в пахте.

После завершения сбивания содержимое процеживают, а выделенное масло проходит дальнейшую обработку – перетапливание. У осетин сливочное масло не было популярным, и В. И. Абаев считает, что название его «*нæлхæ*» заимствовано от восточных соседей. В Южной Осетии название сливочного масла заимствовано у грузин – *гарачьи* из *къараки* [2, 290-291]. Осетины и их предки были в основном скотоводами, и молоко было у них в изобилии, а потому и изготовление масла было у них развито. И все же интересен вопрос о древнейших маслобойках. Поэтому необходимо обратиться к источникам. Наиболее древние источники – это, конечно, археологические.

Азербайджанский ученый И. Г. Нариманов вплотную занялся выяснением истоков производства масла. Он пишет, что маслобойки фиксируются со времен куро-аракской культуры, т. е. с III тысячелетия до н. э. Причем вначале на сосудах ручки были полушаровидной формы в виде полукруглых наклепов и только в эпоху поздней бронзы стали удобными в работе [3, 61]. Он же отмечает, что маслобой-

ки не отмечены на территории Северного Кавказа ни в памятниках ранней бронзы, ни в последующих периодах, тогда как в Закавказье они бытовали во все периоды эпохи бронзы и железа, дожив до наших дней [3, 61].

Говоря об отсутствии маслбоек на Северном Кавказе, И.Г. Нариманов ошибается, ибо еще у скифов маслбойки были, правда, деревянные. У Геродота читаем:

«После доения молоко выливают в полые деревянные чаны. Затем, расставив вокруг чанов слепых рабов, скифы велят им взбалтывать молоко. Верхний слой отстоявшегося молока, который они снимают, ценится более высоко, а снятым молоком они менее дорожат» [4, 187].

О маслбойках упоминает и Гиппократ: «Они наливают молоко в полые деревянные сосуды и качают их. От взбалтывания молоко пенится и разделяется. Жирные части, называемые маслом, всплывают как более легкие наверх, а тяжелые и густые остаются внизу» [5, 605].

В свою очередь, мы располагаем следующими данными: среди разнообразного керамического материала, найденного во время раскопок средневекового царциатского городища у с. Едыс (XIV-XVI вв.), оказалась фрагментированная глиняная маслбойка. Найдено было и пять фрагментов маслбоек [6, 65-66] (рис. 49).

Восстановленная почти полностью маслбойка была розового обжига высотой 69 см. Диаметр венчика – 15,3 см, диаметр основания – 18 см. На венчике нет носика для слива, что характерно для маслбоек, но край венчика выступает наружу, а под ним кольцообразный желобок для укладывания веревки «сæрбос», которой перевязывалось перекрытие из мягкой кожи – «сера»; им плотно прикрывался венчик во время работы. Сосуд снабжен вертикальной ручкой, расположенной на верхней половине вытянутого корпуса. Корпус ручки с двумя вертикальными желобками, делящими поверхность на три зоны. Средняя зона украшена косыми насечками сверху до низу. Насечки переходят на корпус сосуда и сходят на нет. Основание ручки по обеим сторонам имеет круглые налепы. Влево от верхнего конца ручки на расстоянии 7,5 см – круглое отверстие с диаметром в 2 см. Вокруг отверстия – валик с диаметром около 4 см. Отверстие в сосуде было проделано до обжига. Это отверстие для выхода газов и делает сосуд маслбойкой. Фрагменты маслбоек позволяют ска-

зять, что отверстия на сосудах могли быть как сбоку от ручки, так и под нижним концом ручки (рис. 2).

рис. 2

Ручки же приделывались как вертикально, так и горизонтально.

Судя по целому сосуду, венчики маслбоек были без сливов, дабы плотно прикрывать сосуд во время взбивания масла. Поэтому часть найденных фрагментов венчиков из-за отсутствия слива можно считать относящимися к маслбойкам.

Относительно вертикально и горизонтально прикрепленных ручек глиняных маслбоек следует сказать, что пара горизонтальных или поперечных ручек сосуда не только удобны для переноски вместительных объемов, но и целесообразны для предохранения сосуда от разбивания, ибо вертикально прикрепленная ручка не выдерживала бы при переноске веса сосуда с содержимым, зато была удобна для раскачивания его на земле. И. Г. Нариманов отмечает, что «маслбойку клали боком на землю и раскачивали...» [3, 62]. (Надо полагать, что это личное наблюдение автора.)

Л. А. Чибиров отмечает, что маслбойки были у скифов и алан не только деревянные и глиняные, но и кожаные, правда, последнее не документировано. Надо полагать, что наличие маслбоек у алан почерпнуто из данных по находкам маслбоек в материале раскопок Едысского городища, которое было оставлено аланами. Кроме данных археологии, на наличие маслбоек у осетин указывает термин *нæлхæ* – сливочное масло, производное, как выясняет И. Г. Нарима-

нов, от термина «*нехре*» – маслбойка [7, 70]. При этом он ссылается на словарь В.Ф. Миллера, хотя у В.И. Абаева есть специальная статья о «*нæлхæ*», правда, появившаяся в ИЭСОЯ позже исследования И.Г. Нариманова.

Таким образом заключаем, что аланам-осетинам и их предкам маслбойки были известны, независимо от закавказских традиций изготовления масла, с древнейших времен.

Что же касается глиняных маслбоек, то они, вероятнее всего, вошли в обиход алан уже на Кавказе.

-
1. Калоев Б. А. Осетины. М.: Наука, 1991.
 2. Абаев В. И. ИЭСОЯ. М.-Л.: Наука, 1958. Т. I.
 3. Нариманов И.Г. Археологические керамические маслбойки и этимология Азербайджанского слова «*нерхе*» (маслбойка) // Кавказ и Восточная Европа в древности. Сборник памяти Е. И. Крупнова. М.: Наука, 1973.
 4. История в девяти книгах. Л.: Наука, 1978. Кн. IV, 2.
 5. Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ, 2013.
 6. Дзаттиаты Р.Г. Царциатские памятники. Владикавказ: Ир, 2006.
 7. Нариманов И.Г. К истории маслбоек // Материалы сессии, посвященной итогам археологических исследований 1964 года в СССР: Тезисы докладов. Баку, 1965.

А. Б. Багаев,
к.и.н., снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ТАНЦЫ В МУЖСКОЙ СУБКУЛЬТУРЕ ТРАДИЦИОННОГО ОСЕТИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Комплексное изучение осетинского этноса предполагает исследование разных субкультур, которые являются составными элементами традиционной осетинской культуры. Мужская субкультура в традиционном обществе оказывала воздействие на все стороны жизни социума. Важным компонентом мужской субкультуры являлись традиционные танцы, которые находились в определенной связи с религиозно-магическими обрядами. Автором рассмотрены традиционные осетинские мужские танцы. Определены их значение и роль в мужской субкультуре традиционного осетинского общества.

Ключевые слова: мужская субкультура, мужской танец, симд, рог кафт, традиционное осетинское общество.

A comprehensive study of the Ossetian ethnos involves the study of different subcultures, which are constituent elements of the traditional Ossetian culture. The male subculture in traditional society influenced all aspects of the life of society. An important component of the male subculture was traditional dances, which were in a certain connection with religious and magical rites. The author considers traditional Ossetian male dances. Their significance and role in the male subculture of the traditional Ossetian society is determined.

Keywords: male subculture, male dance, simd, rog kaft, traditional Ossetian society.

Традиционная хореография – один из важных элементов этнической культуры. Хореографическое искусство с характерными ему приемами и способами отражает жизненный уклад, ценности и нрав этноса или его отдельных групп. В прошлом у осетин существовали танцы и пляски, которые исполнялись только мужчинами. Условно их можно разделить на сольные, парные и массовые. Так как эти танцы играли значимую роль в жизни мужчин, их изучение весьма актуально при исследовании мужской субкультуры в традиционном осетинском обществе.

Осетинские народные танцы рассмотрены в трудах многих исследователей [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

По представлениям осетин, каждый человек, независимо от пола, должен был уметь танцевать, поэтому дети с ранних лет начинали осваивать народные танцы и массовые пляски. «Танцы и участие в них были строго регламентированы своеобразными этическими правилами, обязательное исполнение которых не могло быть поставлено под сомнение кем бы то ни было» [2, 553].

Осетины очень любили танцевать. Так, по свидетельству В. И. Дolidze: «Редко усидит осетин спокойно на месте, если играют его любимый «цагъд». Он обязательно вскочит и пустится в плясовую» [8, 179].

О месте и значении танца в жизни осетин повествует нартовский эпос, в котором они упоминаются очень часто. Во многих нартовских сказаниях дано красочное описание массовых плясок и индивидуальных танцев героев-нартов [9; 10; 11; 12; 13]. По мнению В. И. Абаева, массовые пляски и индивидуальные танцы в эпосе – «существенный элемент нартовского быта, серьезное и важное занятие, которому нарты отдавались от всей души» [14, 95].

В прошлом среди осетинских мужчин были распространены различные танцы. Танцующие выделялись особенностями костюма, предметами вооружения и орудиями труда, которые использовались в том или ином танце. Многие из них безвозвратно утрачены для осетинской культуры, другие танцы или танцевальные элементы в трансформированном виде дошли до настоящего времени. Самыми древними, на наш взгляд, являются танцы охотников. В них отражалась особенность охотничьего быта. В пастушеском танце, имевшем разные варианты, отражался труд и быт пастухов. В танцах земледельцев использовались земледельческие орудия труда и действия, характерные для земледельцев и хлеборобов. В воинских танцах нашел отражение военный быт, походы и погони, эти танцы исполнялись с обнаженным оружием, в них использовались разные призывающие и мобилизующие возгласы и фразы [4, 478]. Мальчики и юноши всегда внимательно наблюдали за лучшими танцорами и стремились подражать им.

Одним из древних осетинских танцев был и остается мужской сольный «рог кафт» (букв. «легкий танец»). Он отличается неоднородностью и значительным разнообразием танцевальных элементов (повороты, прыжки, проходы). Данный танец требовал от танцующего проявления особой изобретательности, так как в своей основе *рог кафт* – импровизационный. Рассматриваемый танец всегда

исполнялся на согнутых пальцах ног, что является характерным для осетинской хореографии танцевальным приемом. По представлениям осетин, *рог кафт* является демонстрацией индивидуального мастерства танцора. Рассматриваемый танец являлся базовым для некоторых других осетинских мужских танцев [5, 21-22].

В прошлом рассматриваемый танец имел ритуально-магическую направленность. Об этом говорит то, что танец исполнялся на согнутых пальцах ног, когда нога принимает форму острия. Как известно, в традиционной культуре острое выполняет защитные функции. Во время танца ногами производились движения, словно они вонзаются в землю. Вероятно, рассматриваемый танец имеет определенную связь с индивидуальными магическими практиками, направленными на защиту от злых духов и одновременно призыв к духам-покровителям подарить удачу. Красота исполнения должна была привлечь внимание высших сил и способствовать проявлению их благосклонности

Вероятно, по этой причине *рог кафт* служил в качестве основы для разных вариантов танца, в том числе и *хъаматимæ кафт* (букв. «танец с кинжалами»).

Один из вариантов танца с кинжалами исполнялся сольно. Танец начинался с обычного круга как в *зилгæ кафт* (букв. «вращательный танец»). Далее по ходу танца танцующему поочередно давали два кинжала. Таким образом танцор получал около 14 кинжалов, которые он насаживал за воротник, под шапку, в рот. После этого танцор один за другим начинал скидывать кинжалы так, чтобы они вонзались в землю. Когда у танцора оставались два кинжала, он начинал проделывать наиболее опасные трюки, например, в высоком темпе имитируя нанесение уколов себе, то в правую, то в левую ногу. В тех случаях, когда танцор был недостаточно опытен, он наносил себе в ходе танца ранения [1, 91; 15, 26].

Кроме сольного, существовал и парный танец с кинжалами. В рассматриваемом танце участвовали двое мужчин. Выйдя в центр круга, танцоры, следуя друг за другом, совершали круг. Далее они туго закладывали полы своих черкесок за пояс. Каждому из танцоров подавали в обе руки по обнаженному кинжалу и, таким образом, они совершали еще два круга. После этого танцоры, танцуя на носках, поворачивались лицом друг к другу. Танцуя и кружась на носках, двое танцующих совершали движения, имитирующие поединок на кавказских кинжалах. Один из них, делая вид, что стремит-

ся пронзить другого, наносил колющий удар кинжалом в его сторону, тот делал обманное движение и ловко изворачивался от удара. Продолжая танец, он сам имитировал нанесение ответного кинжального укола противнику. Постепенно танцоры входили в азарт, их движения ускорялись, воздух разрезали молниеносные удары кинжалами. Иногда танцоры входили в такой кураж, что окружающим приходилось их разнимать силой. Вслед за первой в центр круга выходила следующая пара танцоров. Парный танец с кинжалами на носках требовал от танцора большого умения. Он должен был иметь сильные ноги, так как весь танец проводился на согнутых пальцах ног. Танцор должен был хорошо владеть кавказским кинжалом, чтобы виртуозно им фехтовать. Все движения в танце должны были быть быстрыми и ловкими [1, 89-90].

Употребление кинжала или шашки в мужских танцах выполняло функцию оберега. Сам танец являлся религиозно-магической практикой, призванной принести удачу и благополучие. Танцы с кинжалами или шашками имели и военно-прикладное значение. Они являлись демонстрацией ловкости и искусности в обращении с оружием.

Один из мужских парных танцев назывался *туджджынты кафт* (букв. «танец кровников»). Танец начинался с того, что оба танцора стояли вооруженные, но в разных позах. Один из двух танцующих изображал мстителя (*тугисæг*), другой – кровника (*тудджын*). Мститель стоял в гордой позе и держался за кинжал в ножнах. Убийца, осознававший свою вину, стоял с поникшей головой и опущенными вдоль тела руками. Он всем своим видом показывал, что сожалеет о совершенном и второй раз не хочет проливать кровь [4, 130]. Смотри в землю, он расстегивал свой боевой пояс, снимал папаху, расстегивал черкеску и тяжелым шагом направлялся к мстителю. Тот изображал замешательство, то поворачивался налево, то поворачивается направо, а потом начинал входить в положение ответчика за кровь. Потом вынимал кинжал из ножен и вонзал его в землю. Кровники пожимали руки и в полном вооружении начинали танцевать. Во время танца, в знак примирения, они трижды крестообразно прикладывали свои кинжалы друг к другу. Это символизировало присягу на оружии. В прошлом это – одна из главных видов присяги у осетин. Тот, кто нарушал клятву принесенную на оружии, превращался в изгоя, от него отказывались все, в том числе и члены семьи [5, 478-479]. Вероятно, рассматриваемый танец в прошлом испол-

нялся после обряда примирения кровников.

Распространённым мужским танцем у осетин в прошлом был *рагон лагты кафт* (букв. «старинный мужской танец»). Мужчины, участвовавшие в танце, располагались кругом, начинали мерно хлопать в ладони, запевая песню. В это время двое из них ловким движением выпрыгивали в середину круга. Танцующие держались за рукояти своих кинжалов и имели суровый воинственный вид, словно готовы вступить в схватку. Соперники энергично кружились вокруг друг друга, делая неожиданные, резкие повороты как в круговом танце (*зилгæ кафт*). Каждый из них держался на полуобороте, так, чтобы не оказаться спиной к сопернику. Танцоры внимательно следили за действиями друг друга, чтобы ни одно из движений соперника не было упущено из виду. Затем мелодия менялась, и танцующие, поровнявшись друг с другом, начинали двигаться то вперед, то назад, как в танце приглашения (*хонгæ кафт*). Движения рук тоже были как в танце приглашения. Нередко танцующие начинали танцевать на согнутых пальцах ног. Так, танцевальная мелодия несколько раз менялась с *зилгæ* на *хонгæ*, и обратно. Прodelав описанную программу, танцоры становились в круг, и на их место выходила следующая пара соперников [1, 88]. В данном танце на первый план выходило состязание между двумя мужчинами. Победа в нем считалась проявлением доблести и показателем высокого личного мастерства. Танец требовал от исполнителей силовой выносливости, выдержки и умения, которые приобретались с опытом и продолжительными упражнениями в танце. Каждый из танцоров старался довести соперника до усталости и изнеможения, сам при этом демонстрируя легкость и ловкость движений.

Исконным осетинским массовым танцем является *симд*. Хореографы с мировым именем, такие, как И.А. Моисеев, И.И. Арбатов, В.В. Кригер, относят осетинский *симд* к шедеврам танцевального искусства [6, 20].

В прошлом у осетин бытовало несколько разновидностей *симда*. Некоторые из них исполнялись танцорами обоего пола, но был *симд*, который танцевали только мужчины. Он назывался *Нæртон симд* (букв. «симд нартов»), или *æддагуæлæ кафт* (букв. «танец поверх другого»). Мы располагаем двумя вариантами этого танца. Наиболее известен вариант, описанный М.С. Тугановым. Рассматриваемый танец исполнялся обязательно под Новый год мужчинами в возрасте от тридцати до сорока пяти лет, выделявшихся фи-

зической силой и ловкостью. Танцующие строились в два сомкнутых в кольцо ряда, одни поверх других. Сначала плотно, плечом к плечу, нижний ряд, танцующие брали друг друга за пояса, образуя сплошную круговую стену, скрепленную переплетенными руками. Все, кто принимал участие в танце, оказывались внутри этого кольца. Выдвинув согнутую в колене правую ногу вперед, танцующие нижнего ряда помогали взобраться на свои плечи мужчинам, которые образовывали такой же верхний ряд. Однако верхний ряд, был менее стеснен в движениях по сравнению с нижним: стоя на плечах нижних, мог делать любое движение, но нижние должны были выносить до смены всю тяготу. По свидетельству стариков, в прошлом, для того, чтобы на плечи нижних нагрузить больше тяжести, танцующие верхнего ряда поднимали себе на плечи бычков и молодых жеребят.

Количество стоящих в рядах исчислялось сотнями, так как в нартовском симде участвовало все подходящее по возрасту мужское население округа.

После того, как танцующие верхнего ряда устраивались на плечах нижних, запевалась песня, и двухэтажный хоровод начинал двигаться. Сначала вправо в медленном темпе, а затем налево, также медленно. Постепенно темп танца усиливался.

Во время танца верхние обращались к нижним, припев завершался словами: «Поклонитесь нам» (*Бакувут*). На что нижние отвечали верхним: «*Дæлæмæ æрхаут!*» (Чтобы вы полетели вниз!). Через определенное время танцующие верхнего и нижнего рядов менялись местами, и танец продолжался.

В середине огромного круга, который образовывали танцующие, варилось мясо жертвенных животных. Там же в больших котлах было ритуальное пиво. Молодые люди, выполнявшие функции кравчих (*уырдыгыстæг*), угощали танцоров. Танцующим в нижнем ряду они подносили чаши и роги с ритуальным напитком к устам, а верхним их давали в руки, и те самостоятельно пили [1, 71-72].

Невооруженным взглядом видно, что мужской *симд* являлся демонстрацией силы, выносливости и удали его исполнителей.

Насыщенность мужского *симда* культовыми элементами, некоторые из которых имеют архаический характер, свидетельствуют о сакральности рассматриваемого танца.

Коллективные ритуальные действия имели важное значение в жизни социума. По представлениям осетин, исполнение *симда*

должно благотворно отразиться на жизни всего общества и принести ему божественную благодать.

На ритуальное значение *симда* указывают слова одной осетинской песни *Расеметæ, расеметæ! Хуцауи хуарзæнхæ иссеретæ* – Станцуйте, станцуйте, обретите божью милость [3, 82]. Так как осетинское общество было патриархальным, в ритуальных действиях на благо всего социума главную роль играли мужчины наиболее дееспособного возраста. По представлениям осетин, *симд* нужно было не просто станцевать, а исполнить правильно и красиво. В противном случае он может стать и вредоносным. Об этом сохранилось упоминание в осетинских фольклорных текстах [3, 174].

Другой вариант этого танца описан И. Х. Айларовым. В этом танце участники имели возрастную градацию. В нижнем ряду стояли крепкие мужчины старшего возраста. Им на плечи взбирались мужчины среднего возраста, на плечи которых, в свою очередь, становились молодые мужчины. Танцующие двигались сначала в правую сторону, потом в левую. Во время танца мужчины исполняли боевыми голосами песню с мерным подпеванием. После того, как песня была исполнена, мужчины верхнего яруса спрыгивали внутрь круга, а те, кто располагался на втором этаже, спрыгивали за спины танцующих в нижнем ряду. Мужчины нижнего ряда начинали исполнять мотив *рог кафт*-а, стоявшие во втором ряду поддерживали их хлопанием в ладони. Мужчины верхнего ряда, оказавшиеся теперь в середине круга, исполняли *рог кафт*, первоначально с кинжалами, а потом с шашками, имитируя сражение [5, 483]. Каждый из мужчин, участвовавших в рассматриваемой массовой пляске, должен был хорошо знать свое место и роль. Опыт массового взаимодействия и осознание значимости действий каждого индивидуума в достижении общего результата давало положительный эмоциональный настрой. Общее устремление мыслей и чувств рождало чувство товарищества и крепко сплавляло всех членов мужского сообщества. Одинаковое состояние духа усиливало ощущение единства и рождало стойкую уверенность во взаимной поддержке.

К описанию данного варианта мужского *симда* И. Х. Айларов добавил довольно интересные сведения, которые имеют важное значение для нашего исследования. По сообщению И. Х. Айларова, основанному на свидетельствах очевидцев, перед отправкой на поле брани осетинские воины совершали специальный обряд у святилища Уастырджи. Старшие возносили молитву покровителю мужчин

и воинов Уастырджи с чашей осетинского пива в руках и тремя ритуальными пирогами. После завершения молитвословия предводитель отряда и трое младших, согласно описываемому обряду, пили по глотку пива и откусывали от ритуального пирога (*ацаходын*). После этого под звуки смычкового двухструнного *фæндыра* отряд строем отправлялся в путь. После возвращения из похода с победой общество встречало свое воинство у святилища Уастырджи с благопожеланиями под аккомпанемент двухструнного *фæндыра*. Воинство, которое возвращалось с победой, приближаясь к святилищу, запевало песню. По воспоминаниям участников гражданской войны, последний раз осетинские воины описываемый танец исполнили в 1921 году на берегу Черного моря. Так бойцы Юго-Осетинской бригады, находившиеся в составе полка красной конницы под командованием Бадила Гагиева, отметили свою победу над грузинскими меньшевиками [5, 483-484].

Дополнительные пояснения, которые дает И.Х. Айларов к данному варианту *симда*, позволяют говорить о том, что он исполнялся перед отправкой в поход или сражение, и после ее завершения.

Строгая упорядоченность хореографических элементов, смысловая и композиционная целостность свидетельствуют о древности бытования этого народного танца.

Зрителей, наблюдавших за танцами, всегда собиралось значительное количество. Танцующие, зная, что на них смотрят много людей, хорошо разбиравшихся в тонкостях народных танцев, старались продемонстрировать все свое умение. Особенно строгие требования к исполнению танцев предъявляли мужчины старшего поколения – хранители традиций. Они одобряли только такое исполнение, которое отвечало выработанному многими поколениями лучших танцоров эстетическому идеалу. Несмотря на различие характерных движений, хореографических деталей и сопровождавшего их эмоционального фона, мужские танцы в плане манеры исполнения имели и общие нормы. Традиционный осетинский мужской танец сопровождался разнообразными порывистыми и резкими, но выразительными движениями. В нем было много внезапных прыжков и неожиданных поворотов. Кисть руки всегда должна быть сжата в кулак. Независимо от возраста, каждый мужчина в своем танце стремился продемонстрировать силу, ловкость, смелость, виртуозное умение танцевать на носках (*къахкъухтыл*) и в то же время – плавность, сдержанность и тактичность.

В мужской субкультуре осетин традиционного общества роль и значение танца была гораздо большее, чем в настоящее время. В первую очередь танец имел важное религиозно-магическое значение. Кроме того, в мужской субкультуре танец был демонстрацией физической выносливости и сноровки, ловкости и искусности владения не только своим телом, но и оружием. Большое значение имело и то, что танцы оказывали влияние на эмоциональный фон как самих танцоров, так и зрителей, доставляя им эстетическое удовольствие. Являясь культурным достоянием, передающимся от поколения к поколению, рассмотренные танцы способствовали укреплению межпоколенной связи в мужском сообществе традиционного осетинского общества.

Первоначально танцы были частью религиозно-магических обрядов и были связаны преимущественно с конкретными народными праздниками. По мере трансформации общества данная функция танцев начинает слабеть и постепенно утрачивается. Со временем народные танцы все больше приобретают зрелищно-развлекательную функцию, которая в настоящее время стала доминирующей.

-
1. Туганов М. С. Литературное наследие. Орджоникидзе: Ир, 1977.
 2. Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа Орджоникидзе: Ир, 1968. 568 с.
 3. Уарзиати В. С. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995. 233 с.
 4. Дауева Т. Т. Миротворческие практики осетин: традиции и инновации // Сб.: Молодые ученые в решении актуальных проблем науки. Материалы VII международной научно-практической конференции. 2017. С. 129-133.
 5. Айларов И. Х. Ирон фарн. Обычаи и образ жизни осетинского народа. Научно-популярное и учебное издание. Владикавказ: Ир, 1996. 520 с.
 6. Цхурбаева К. П. Осетинские народные танцы и танцевальная музыка // Из истории русской и советской музыки. Вып. 3. М.: Музыка, 1978. С. 16-35.
 7. Кусаева З. К. Гендерный контекст обрядов инициации в мифо-ритуальных практиках осетин // Вестник СОГУ, 2011. №4. С. 253-259.

8. Дарчиева М. В. Пространство игрищ и танцев (хъазт) в осетинской Нартиаде // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – №5; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10738> (дата обращения: 30.11.2021).
9. Долидзе В. И. Осетинская народная музыка // Известия СОНИИ. Т. XXII. Вып. II. Орджоникидзе, 1960. С. 173-179.
10. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа. Кн. 1. Владикавказ: Иристон, 2003. 592 с.
11. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа. Кн. 2. Владикавказ: Иристон, 2004. 896 с.
12. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа. Кн. 4. Владикавказ, 2007. 548 с.
13. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа. Кн. 5. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2010. 766 с.
14. Нартовские сказания. Эпос осетинского народа. Кн. 7. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2012. 617 с.
15. Абаев В. И. Избранные труды. Религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир. 1990. 640 с.
16. Янушевич Н. Военно-Осетинская дорога на Кавказе. Очерк. М.: Студенческое издательство, 1914. 70 с.
17. Миллер В. Ф. Дигорские сказания. М.: Типография Варвары Гутцук, 1902. 145 с.

Б. Т. Цогоев,
аспирант СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

ДЛИННЫЙ КАФТАН (ДАРГЪ КУЫРÆТ) КАК ЭЛЕМЕНТ
ТРАДИЦИОННОГО МУЖСКОГО КОСТЮМА ОСЕТИН

Предметом исследования статьи является длинный кафтан (осет. даргъ куырæт) как элемент традиционного мужского костюма осетин, ретроспектива его генезиса со времен позднего средневековья и до начала XX века.

Ключевые слова: национальная одежда, кафтан, обоймица, газырницы, традиционный костюм.

The subject of the article is a long caftan (oset. darg kuyrat) as an element of the traditional male costume of Ossetians, a retrospective of its genesis from the late Middle ages to the beginning of the XX century.

Keywords: national dress, caftan, oboimitsa, gazyrnitsy, traditional costume.

Традиционный костюм является не только превосходным материалом для изучения вопросов этногенеза, истории, мировоззрения, социокультурной составляющей этноса, но и представляет собой своего рода маркер для восприятия его внутри этнических, социальных и производственных отношений. Он раскрывает идеологию его создателей, их бытовой и хозяйственный уклад. Символизм и утилитарность национального костюма настолько информативны, что приближают исследователя к пониманию природно-климатических условий, где происходило формирование традиционного костюма, эконополитической, – организации, общества, его эстетических предпочтений и даже религиозных воззрений.

В последнее время внимание многих исследователей, занимающихся исторической этнографией народов Кавказа, привлекают вопросы, связанные с генезисом традиционных кавказских кафтанов – длиннополой одежды получившей распространение в XVII-XIX веках у многих этносов Большого Кавказа, вошедшей в русскоязычную литературу под названием «черкеска».

Изучению генезиса традиционных кавказских кафтанов посвятили свои работы многие авторы: Е.Н. Студенецкая [1], Г.А. Серге-

ева, С. Ш. Гаджиева, Т. Д. Равдоншас, С. А. Агаширинова, З. И. Хасбулатова, Б-Б. Абдулвахабова, Д. М. Дзлиева и др. Однако, как правило, объектом их исследований являются материалы XIX – начала XX вв. В этом ключе значительный интерес для исследуемой тематики представляют работы посвященные анализу археологического материала, авторства П. С. Уваровой, Е. И. Крупнова, А. А. Иерусалимской, З. В. Доде, С. С. Кусаевой, И. М. Мамукаева и др.

Термин «черкеска» является ареальным и покрывает собой типы длиннополой одежды кавказских этносов, между тем, имеющих ряд особенностей в крое, манере ношения и генезисе. Все этнические типы «черкески», испытывая влияние друг на друга, под действием модных тенденций прошли в XVII-XIX веках процесс жёсткой унификации. Несмотря на это, в настоящее время, на основании археологических и этнографических исследований, определены два пути формирования кавказских кафтанов: первый – из длиннополой одежды азиатского типа (халаты, свободного кроя); второй – восходящий к аланским кафтанам, – длиннополой, приталенной одежде хазарского периода.

В статье рассматривается эволюция длинного кафтана, хронология возникновения деталей для ношения пороховых зарядов. На наш взгляд, именно аланский кафтан послужил основой для формирования традиционного мужского костюма осетин.

Предметом исследования настоящей статьи является длинный кафтан (осет. *даргъ куырæт*) как элемент традиционного мужского костюма осетин, а точнее – ретроспектива его генезиса со времен позднего средневековья и до начала XX века. Традиционная мужская одежда осетин основывается на базовом варианте одежды, которая представляет собой плотно облегающий тело приталенный кафтан.

В осетинском языке для обозначения верхней длиннополой одежды существует два термина «даргъ куырæт» или «цухъхъа». Причем если «цухъхъа» восходит к общекавказскому «чоха», происходящему от слова «сукно», то «даргъ куырæт» имеет исконное осетинское происхождение и переводится на русский как «длинный кафтан».

Обратиться к изучению генезиса традиционного осетинского мужского костюма нам позволяют археологические материалы склеповых захоронений, литографии, картины и зарисовки этнографов и художников XVIII-XIX вв., фотографии конца XIX – начала XX вв. и этнографические материалы.

Уникальным иллюстрирующим материалом для изучения образцов верхней одежды алан служат находки С. Н. Савенко из могильника XI-XII вв. Кольцо-Гора, материалы исследований В. Н. и И. В. Каминских из скальных погребений Нижнего Архыза и Мощевой Балки. На материалах Даргавского склепового могильника, исследованного И. М. Мамукаевым и В. Х. Тменовым, отлично реконструируется полный костюм осетин XV-XVIII веков.

Прекрасный визуальный материал о традиционном костюме осетин дошел до наших дней в работах: Яна Потоцкого, предпринявшего путешествие по Северному Кавказу в 1798 году; литографа-акварелиста Карла Беггрова, создававшего свои этнографические зарисовки в 1818-1822 гг.; генерала-майора Челищева Платона Ивановича, оказавшегося прекрасным живописцем (1836г); в работах вице-президента Академии художеств Гагарина Г. Г., запечатлевшего знатных осетин в 40-е г XIX в.; в живописных работах известного немецкого рисовальщика Теодора Готшелъта, созданных в период с 1858 по 1863 годы; а также в работах художников второй половины XIX в.: П. С. Самокиша, Е. А. Лаусере, Н. А. Ярошенко, В. В. Верещагина.

Анализ и систематика вышеприведенных материалов позволяет нам проследить хронологию развития традиционного осетинского костюма со времен средневековья по XIX и XX вв.

Элементы одежды, именуемые в осетинской традиции «*Даргъ куырæт*» и «*Куырæт*» («Длинный кафтан» и «Кафтан»), ведущие свое происхождение из аланского культурного пространства к периоду появления огнестрельного оружия на Кавказе, приобретают новую деталь, которая органично ложится в уклад боевой и повседневной традиции ношения верхней одежды.

Особенностью данного синтеза является слияние традиционного покроя кафтанов и появление на груди нашивных обоймиц-патронташей – газырниц (*бæрцытæ* – порция меры для выстрела).

Логичность появления нагрудных патронташей обуславливается удобством ношения и использования. Первоначальные способы ношения на ремнях через плечо или на поясе не очень удобны, так приходилось удерживать оружие двумя руками, еще и доставать из патронташа газырь. Несмотря на это, такие варианты просуществовали вплоть до XX в. как ношение дополнительного боезапаса.

В осетинской традиции существовали все варианты ношения обоймиц-патронташей, которые стали постепенно деталью совре-

менных кавказских костюмов. Так как это самая запоминающаяся деталь костюма, начнем с него.

Более ранние образцы газырниц, естественно, носились на ремнях через плечо и на поясе. Часто их носили на груди по обеим сторонам на ремнях крест-накрест. В условиях постоянной опасности и перманентных боевых действий газырницы стали пришивать по обеим сторонам на груди для удобства доставания, или вкладывали в карманы, которые шились на кафтанах. Часто газырницы закреплялись в нагрудных карманах клапаном, так как карманы бывали с клапанами как конверты.

Самый распространенный вариант газырниц – из кожи, но бытовали и из ткани.

Как ранее упоминалось, газырницы пришивались как на короткие, до колена, кафтаны, так и на длинные, которые являлись верхней одеждой, зачастую парадным и зимним вариантом. Кафтаны, короткие и длинные, застегивающиеся до горла, имели газырницы чаще горизонтальные, пришитые или вложенные в карманы.

Бытовали и кафтаны с V-образным вырезом на груди, на таких пришивались обоймы перпендикулярно линии выреза, уходя в сторону подмышек. На таких образцах одежды встречались также все виды газырниц: и горизонтальные, и в карманах, и с наклоном. Шили обоймы чаще из кожи красного и темно-красного цвета. Цветовая гамма регламентировалась сословным делением. Повседневные, более домовые варианты были других цветов.

Нужно обратить внимание на особенности застегивания, являющихся примечательной особенностью национального осетинского костюма.

Археологические материалы Даргавского склепового некрополя дают нам интересный материал. Здесь мы видим на кафтанах, как на коротком, так и на длинном, завязки в виде шнуров или лент, с помощью которых они и застегивались, что свидетельствует, на наш взгляд, о сохранившейся древней традиции застегивания одежды. В то же время есть пуговицы, связанные из тесьмы и шнура в виде шариков.

Еще одной особенностью осетинских кафтанов является крой. Крой образцов археологических материалов и поздние варианты практически не отличаются друг от друга на протяжении, как минимум, с XVIII по XX вв. Отличие в разное время составляет лишь длина. Максимальной длины кафтаны верхней одежды достигают

к XX веку. На более ранних образцах верхней одежды встречаются рукава как на кафтанах до колена, которые носили самостоятельно, так и под верхней одеждой.

Конструктивно такая одежда со времен средневековья и позднего средневековья почти не изменялась. Спереди состоит из двух цельнокроеных передков (грудной части и клином подола – цельнокроеные) и одной цельнокроеной спинкой с клином подола. С боков вшиваются 2-3 клина, в зависимости от куска полотна. Ширина стандартного полотна составляет ширину спины. Выкройки были рассчитаны таким образом, что при очень широком покрое подола и плотно прилегающем торсе, сохранялось удобство в ношении и экономность материала. Рукава вшиваются с помощью широкой проймы, что позволяет делать широкие махи руками для владения оружием, при этом не тянет ткань из-за пояса и не приходится поправлять вещи.

Одной из отличительных особенностей осетинской национальной одежды являются детали, находящиеся на спине ниже пояса. Это так называемые «ушки», своеобразные защипы, укрепленные изнутри кусочками свернутых слоев ткани. Они торчат с двух сторон из-под пояса, на стыке двух клиньев, образуя выступ 3-4 см. На расстоянии вытянутых большого и указательного пальцев ниже по шву имеется разрез, который является устьем кармана. Причём, карманы встречаются как и на коротких, так и на длинных кафтанах.

Нужно заметить, вопреки расхожему мнению, что «ушки» нужны, чтобы поддерживать пояс, а разрезы, чтобы поправлять внутреннюю одежду, хотелось отметить, что функционально они созданы для того, чтобы не глядя найти «ушко», а также на расстоянии вытянутых указательного и большого пальцев легко найти устье кармана.

Заметим, что разрез на верхней одежде абсолютно точно совпадает с карманами на внутренней одежде. По этому шву клиньев внизу подола обязательно два разреза для расширения общей длины окружности подола во время ходьбы и верховой езды.

На наш взгляд, одним из самых серьёзных аргументов в пользу того, что своё происхождение этот вид одежды берёт в среде древнеиранских народов является способ застёгивания, запахивания одежды. Левосторонний запах свидетельствует о преемственности традиции на протяжении всей истории существования осетинской культуры одежды, в то время, как у соседних народов, все эти эле-

менты в одежде появляются и исчезают в результате заимствований и моды разных времён.

Если мы рассмотрим способ запахивания, то можно заметить, что на уровне груди идёт наложение поверх левой стороны на 3-4 см, а от пояса и ниже клин уходит внахлёст друг на друга от 25-27 см, что является отголоском более древних вариантов ношения, которые встречаются вплоть до XX века на кафтанах без газырниц, где запах на груди широко уходит поверх левой стороны.

В результате исследования осетинского традиционного костюма мы выявили преемственность и хронологию развития верхней длиннополой одежды и деталей появившихся на ней, с приходом огнестрельного оружия.

1. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX вв. М.: Наука, 1989.

2. Доде З.В. Костюм населения Северного Кавказа VII-XVII веков (Реконструкция этносоциальной истории). М., 2007. http://apsnyteka.org/1597-dode_z_kostium_naselenia_severnogo_kavkaza_vii_xvii_vekov.html.

3. История женского костюма Северного Кавказа. https://stud.wiki/moscow/2c0b65635a3ac69a4d53b89521216d27_0.html.

IV. ФИЛОЛОГИЯ

**Э. Б. Сатцаев,
кфн, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)**

К ВОПРОСУ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Рост словарного состава и его изменение являются законом развития лексики. Главными видами развития лексического состава являются социолингвистические и лингвистические виды. Осетинская лексика формировалась тысячелетиями, и главными процессами развития являлись словообразование и переосмысление. Важное место в формировании современного осетинского языка занимали прямые и косвенные заимствования. Следовательно, лексика осетинского языка имеет смешанный характер. В нем сосуществуют лексика иранского происхождения и иноязычная лексика. В современном осетинском языке мы найдем большое количество слов, непосредственно восходящих к своим древним архетипам. Лексические особенности текстов зависят от стилистических разновидностей литературного языка. В осетинском языке представлены следующие заимствования: кавказские, тюркские, арабо-персидские и русские. Следовательно, можно сделать вывод, что в большинстве представленных текстов количество лексики иранского происхождения составляет около 90 процентов.

Ключевые слова: индоевропейский праязык, древнеиранский язык, иранский фонд, стилистика текста, жанры, жанровые различия, языки кавказа, тюркские заимствования, заимствования из русского языка.

The vocabularies growth and change is the law of vocabulary development. The main types of development of the lexical composition are sociolinguistic and linguistic types. Ossetian vocabulary has been formed over millennia and the main development processes were word formation and rethinking. An important place in the formation of the modern ossetian language was occupied by direct and indirect borrowings. Consequently, the vocabulary of the ossetian language is mixed. It contains vocabulary of Iranian

origin and foreign language vocabulary. In the modern ossetian language, we find a large number of words that directly go back to their ancient archetypes. The lexical features of the texts depend on the stylistic varieties of the literary language. The Ossetian language contains the following borrowings: caucasian, turkic, arab-persian and russian. Therefore, we can conclude that in most of the texts presented, the amount of vocabulary of iranian origin is about 90 percent.

Keywords: *Indo-European proto-language, ancient Iranian language, Iranian fund, text stylistics, genres, genre differences, languages of the Caucasus, Turkic borrowings, borrowings from the Russian language.*

Рост словарного состава и его изменение являются закономерностями развития лексики. Важнейшими аспектами развития лексического состава считаются социолингвистический и лингвистический. Первый исследует причины развития лексики, связанные с социальными проблемами и историей народа. Другой аспект – лингвистический, отвечает на вопрос: как происходят качественно-количественные изменения лексики, в которых заложены лингвистические проблемы словарного состава (словообразование, семасиология, фразеология и т.д.)

Осетинская лексика формировалась тысячелетиями. Лексика возникала в разное время в результате многочисленных способов формирования [1, 16-21]. Изменялся удельный вес различных процессов пополнения словарного состава, однако главными процессами развития осетинской лексики во все периоды истории осетинского языка словообразование и переосмысление слов были ведущими. Одновременно шел процесс заимствования иноязычной лексики, который не отличался особой интенсивностью. Однако, в последние столетия прямые и косвенные заимствования из русского и европейских языков стали основными, они заняли важное место в формировании современного осетинского языка, особенно терминологии [1, 21-26].

Следовательно, словарный запас осетинского языка имеет смешанный характер, в нем сосуществуют древнейшие слои лексики индоевропейского и иранского происхождения и иноязычная лексика.

Количественное соотношение индоевропейских и иранских слов и слов иноязычного происхождения, сложилось в пользу вторых. Кроме того, иранский фонд слов служит основной и наиболее устойчивой частью словарного состава [2, 13-25].

Индоевропейский праязык имел богатую лексику. Он оставил значительную часть своего словарного запаса большинству индоевропейских языков. Много индоевропейских слов вошло из общеиранского языка в скифский, а затем в осетинский язык. Немалое число осетинских терминов родства, названий частей тела, животных, названия продуктов труда и явления природы сохраняются с древнейшей эпохи, и они схожи с соответствующими словами в других индоевропейских языках.

По мнению В.И. Абаева, из четырех тысяч осетинских словарных основ двадцать процентов от общего числа осетинской лексики восходят к индоевропейским корням, и эта лексика охватывает важнейшие категории слов [3, 16-17].

Связи осетинского языка с индоевропейским словарным фондом настолько обширны, что они не могут быть представлены простыми иллюстрациями лексических соответствий. Общеиндоевропейский материал неотделим от собственно иранских слов. Многие из слов этой категории не обнаруживают соответствия за пределами иранских языков. Некоторые лексемы засвидетельствованы только в древнеиранских, другие – в двух-трех иранских языках, третьи существуют только в осетинском. Сравнивая современный осетинский язык с древнеиранскими языками, мы найдем большое число слов непосредственно восходящих к своим архетипам – словам, бытовавшим в древнеиранских языках [4, 60-115]. Понятно, что в современном языке слова изменили свою внешнюю форму под влиянием действующих фонетических законов. Много слов подверглось переосмыслению или обогатилось новыми значениями.

Современное состояние иранского языкознания позволило более или менее точно (с допущениями и сомнениями) отграничить иранские слова от заимствований. Несмотря на разные трудности, связанные с этимологией, к иранскому фонду осетинского языка могут быть отнесены следующие лексические пласты:

а) лексемы, прямо восходящие к древнеиранским языкам или имеющие прямые соответствия с лексическим материалом иранских языков и диалектов;

б) слова, теоретически реконструируемые как индоевропейские, индоиранские, древнеиранские и среднеиранские, на основе проверенных методов этимологии, лексикологии и социально-лингвистического анализа;

в) слова-гибриды, образованные из смешанного (ирано-иноязычного) словообразовательного материала на осетинской почве;

г) слова, образованные в осетинском языке из иноязычного лексико-морфологического материала, по осетинским словообразовательным моделям.

Лексические особенности зависят от экспрессивно-стилистических разновидностей литературного языка. Выбор стиля зависит от предмета речи и от общей обстановки. В огромной степени, выбор стилей зависит и от стилистических возможностей самого языка. При этом, по мнению В.И. Абаева: «осетинский язык представляет весьма совершенное, гибкое и послушное орудие для выражения самых тонких и деликатных изгибов мыслей и чувств». Для демонстрации этих выводов нами представлен ряд образцов осетинских текстов разных жанров.

Текст 1 Фыдызæхх

Мæ зæрдыл дæ дарын цы ныфсæй фæразон,
Мæ райгурæн бæстæ, мæ фыдæлты зæхх?

Къостайы ацы ныхæстæ мæ мысæнуаты ногæй-ногмæ зæлынц ацы фæстаг бонты, нæ Фыдызæхх, нæ Республикæйыл сагъ-æсгæнæн бонты.

Хъуамæ загътаин цингæнæн бонты... Ахæм ном бæргæ хуыздæр фидауы юбилейы рæстæджы ныхасыл, фæлæ ацы бонты нæ цины раг хъыджы мидæг ленк кæны, нæ зæрдæйы ностæ нырма сæ риссыныл сты, нæ хъыгтæн, нæ бирæ хъыгтæн сæвидийæн нæма ис, нæ цинæн нæма ис хъыгæй фæхицæнгæнæн. Гъе, æмæ уый ссадвæдыл растдæр уыдзæн, нæ юбилейыл хъуыдыгæнæн рæстæг сагъæсты рæстæг куы рахонæм, уæд.

Мидхæсты фæстæ, 1922 азы Хуссары Ир национ автономии куы райстой, уæд æй Хъулаты Сикъойы базырджын номæй схуыдтой тугæй æлхæд сæрибар. Афтæ та рауад ныр дæр. Нæ чысыл адæмы туг та ногæй лæсæнтæ кодта удуæлдай тохы, уымæй дæр раздæры знаджы ныхмæ тохы... Мах æууæнгдаг адæм стæм æмæ нын иу сайд æгъгъæд нæ фæци, ногæй та бавзæрстам гадзрахаты тыхми æмæ æфхæрд... Нырæй фæстæмæ нын уый хъуамæ зонд-зонæн уа æнустæм [7].

(Из книги «Нафи – Цард Авидигæ сагъас» Неизбывная дума о жизни, 2003, с. 437-438)

Отечество

С какой надеждой я должен помнить о тебе,
Мое отечество – земля моих отцов?

Эти слова Коста в моих мыслях и пролетают в эти последние дни. Дни в думах об отечестве и республике. Я должен сказать об этих днях, днях радости. Эти названия более подходят в разговорах о юбилее. Однако, эти радостные дни падают в печали и скорби. Раны сердца еще болят. Эта большая скорбь еще не проходит и наша радость еще не отделена от горя. Было бы правильнее назвать наш юбилей «временем печали».

После гражданской войны, в 1922 году, когда Южная Осетия получила автономию, Кулаев Сико назвал нашу свободу, которая была достигнута ценой крови. И сейчас получилось также. Опять кровь нашего малочисленного народа текла рекой в самоотверженной борьбе с бывшими врагами. Мы – доверчивый народ, нам не хватало одного обмана и очередной раз мы получили вероломство, насилие и обиды. Эти дни должны быть нам уроком на века.

В тексте 160 слов, из них 5 интернационального происхождения, попавших в осетинский через русский, три слова арабо-персидского происхождения, два слова тюркские, одно слово кавказского (грузинского) происхождения. Следовательно, в данном тексте иранская лексика составляет около 93%, остальная лексика – иноязычная (7-8%).

Текст 2

Хорз æмæ Æвзæр

Раджы кæддæр нæ зæхх дих кодта дыууæ хайыл. Йæ иу фарс цардысты Хорз адæм, иннæ фарс та æвзæртæ. Сыхæгтæ нæ фидыдтой, уымæн æмæ Æвзæртæ æфхæрдтой Хæрзты.

Дыууæты «хсæн зад диссаджы бæлас. Хорз адæмы «рдыгæй лæвæрдта алыхуызон адджын дыргътæ æмæ гагадыргътæ, Æвзæрты «рдыгæй та бахус.

Иу хатт Хæрзтæ чыргъæды æрæмбырд кодтой дыргътæ æмæ æрбацыдысты сæ сыхæгтæм уазæгуаты. Ноджы ма сын зæрдæ бавæрдтой æххуысæй бæласы фарс райгас кæнынмæ. Æвзæртæ сразы сты, уымæн æмæ сын уыд худинаг. Райдыдтой иумæ бæласмæ зылын. Иæ зæхх ын сфæлмæн кодтой, алы пайда хостæ йыл

ныккодтой, йæ хус къалиутæ йын ракодтой. Афтæ архайдтой, цалынмæ бæласыл сыфтæ нæ фæзынд, стæй рæсугъд дидинджытæ, æмæ фæстагмæ дыргътæ.

Хæрзтæ сæхимæ куы сфæнд кодтой, уæд Æвзæрты бафарстой: «Хорз уæвын æвзæрæй хуыздæр нæу? Мах архайæм дуне рæсугъддæр кæныныл». Æвзæртæ фефсæрмы сты.

Архайдтой æрмæстдæр хорз хъуыддæгтæ кæныныл. Уæдæй фæстæмæ хорз адæм сты фылдæр æвзæртæй [8].

(из «Ногдзау», 2019 г., №4. С. 12-13)

Добро и зло

В старые времена земля делилась на две части. В одной части жили хорошие люди, в другой – плохие. Соседи не ладили между собой, так как плохие обижали хороших. Между ними росло удивительное дерево. Со стороны хороших людей это дерево давало разные вкусные плоды и ягоды, а со стороны плохих дерево высохло. Однажды хорошие собрали в корзинку плоды, и пришли в гости к соседям. Кроме того, они пообещали помочь оживить (засохшую часть дерева). Плохие согласились, так как им было стыдно. Вместе они стали ухаживать за деревом. Вскопали землю (вокруг дерева), насыпали удобрения, отрезали высохшие ветки. До того старались, пока на дереве не появилась листва и цветы, а потом – и плоды.

Хорошие между собой решили, и спросили плохих: «Разве быть хорошим не лучше, чем быть плохим? Мы стараемся украшать мир». Плохим стало стыдно, они стали делать хорошие дела. С того времени хороших людей стало больше, чем плохих.

В тексте 142 слова, из них 2 слова арабо-персидского происхождения, 3 слова – из русского. Следовательно, в данном тексте лексика иранского происхождения составляет 96%.

Текст 3 Нарты бæлас

Нарты адæмæн сæ цард бирæ раив-баив кодта. Уымæ гæсгæ сæ таурæгътæ дæр бирæ хылы-мылытæ сты. Нарты адæмы «хсæн уыди иттæг æвирхъау æхсарджын мыггæгтæ. Нарты мыггæгтæй Æхсæртæггаты мыггагæй хуыздæр никæй хонынц. Иу рæстæджы Æхсæртæггаты мыггаг тынг скуынаг, чысыл ма йæ бахъуыд бын-

тондæр фесæфын æмæ сыскъуыйынмæ. Фæлæ уæддæр бынтон нæ фесæфти. Ахсæртаггаты тыххæй баззад ахæм таурæгъ: нарты адæмæн, загъта, сæ цард уыдис иу бæласæй. Уый уыдис ахæм бæлас, æмæ-иу æмбисæхсæвмæ дидинæг æфтыдта, уырдыгæй бонмæ та-иу дыргъ лæвæрдта. Тынг зынаргъ сын уыди уыцы бæлас нарты адæмæн, æмæ йæ хъахъхъæдтой стыр хæзнайы хуызæн. Уыцы бæласыл цыдæр сагъуыди æмæ-иу ын йæ дидинæг пырх ныккодта, йæ дыргъ та-ий ын хæргæ бакодта [6].

(из книги Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 1, 1990. С. 79)

Дерево нартов

Жизнь нартов менялась по-разному. Поэтому и в сказаниях о них много запутанного. Среди нартов были весьма доблестные фамилии. Из нартовских фамилий самыми лучшими считались Ахсартаггата. Одно время фамилия Ахсартаггата очень сократилась, еще немного, и она бы угасла, вымерла бы совсем. И все же полностью она не исчезла. Об Ахсартаггата осталось такое сказание.

Жизнь нартов зависела от одного дерева. А дерево это было такое: до полуночи оно цвело, с полуночи до рассвета приносило плоды. Нартам это дерево было очень дорого, и они стерегли его как большое сокровище. Но кто-то повадился к этому дереву, цветы портил, а плоды его поедал.

В тексте фольклорного происхождения 105 лексем. Из них 3 слова – арабо-персидского происхождения, 6 слов спорного и сомнительного происхождения. Иранская лексика составила около 91%.

Текст 4

Æнæзакъон арæзтад

Дзæуджыхъæуы бынæттон хиуынаффæйады администрацийы пресс-службæ куыд фехъусын кодта, афтæмæй цæстдарæг ведомствотæ сбарæг кодтой æнæзакъон арæзтадон объект.

Фысымуат «Владикавказ» – ы фарсмæ скверы рапарахат ног арæзтад. Закъоны уагæвæрдтæ фехалгæйæ, скверы æвæрд æрцыд ног бæстыхайы бындур. Уымæ, горæты администрацийы амалхъомады хайады хицай Берозты Артуры ныхасмæ гæсгæ, уыцы бынаты базарадон объект саразыны фæдыл бардæттæг

документтæ райсыны фæдыл Экономикæйы управленимæ курдиат ничи æрбалæвæрдта.

Æнæзакъон арæзтад чи райдыдта, уыцы адæймаг ныр административон æгъдауæй иваргонд æрцаудзæн, стæй йæхи хардзæй бынат хъуамæ арæзтадон æрмæджытæй асыгъдæг кæна.

Зындгонд куыд у, афтæмæй фысымуат «Владикавказ» – ы фарсмæ цæуæг арæзтадмæ горæты администрацийы сæргълаууæг Æлбегаты Барисы æргом аздæхта республикæйы премьер-министр Тускъаты Таймураз Хицауады радон æмбырды [5].

(из газеты: Рæстдзинад, 2017. №140 (24422), от 4 августа. С. 1)

Незаконное строительство

Как сообщает пресс-служба администрации Владикавказского местного самоуправления», контролирующие органы строительство незаконного объекта. В сквере рядом с гостиницей «Владикавказ» развернулось строительство. В нарушение закона построен фундамент нового строения.

При этом, по словам начальника отдела предпринимательства при городской администрации Березова Артура, в управлении экономики не было какого-либо заявления для возведения торгового незаконного объекта. Лица, которые начали строительство, в административном плане будут оштрафованы и своими средствами должны освободить место от строительных материалов.

Как известно, на очередном собрании премьер-министр Республики Тускаев Таймураз обратил внимание главы местного самоуправления Албегова Бориса на строительство этого объекта рядом с гостиницей «Владикавказ».

В газетной публикации 105 слов, из них 13 являются заимствованными, 12 лексем – интернациональными, одно слово персидского происхождения. Следовательно, в данном тексте лексика иранского происхождения составила около 86%.

Количество заимствований зависит от стилистических особенностей текстов. Все стили любого языка делятся на две группы: книжно-письменный и разговорный. Наш материал посвящен особенностям некоторых текстов книжно-письменных стилей.

Общее количество лексики во всех текстах составляет более 510 слов. Примерно 90% этой лексики является иранской по этимологии.

Значительная часть номинативной лексики объединяет осетинский язык с языками Кавказа. Среди них особо выделяются картвельские языки. Количество осетино-картвельских изоглосс превышает 1600, большинство которых осетино-грузинские. В истории осетино-грузинских культурных связей выделяются два периода. Первый этап – домонгольский, был двусторонний, когда обе стороны оказывали влияние друг на друга. После монгольского нашествия начинает преобладать влияние грузинского на осетинский [3, 248-260].

В общем, в представленных текстах количество кавказских заимствований незначительно.

Древнейшие контакты предков осетин с тюрками относятся к четвертому веку нашей эры. Однако, большинство тюркской лексики в осетинском появилось позже, в ходе известных исторических контактов алан (осетин) с северо-тюркскими языками (хазарами, печенегами, половцами, ногайцами и т. д.). В.И. Абаевым выявлено около 1400 осетино-тюркских изоглосс. Большинство этих изоглосс генетически тяготеют к иранским корням, т. е. иранские языки в большей степени повлияли на тюркские. Из 1200 осетин-тюркских изоглосс, 450 осетино-балкаро-карачаевские и столько же осетино-общетюркских.

Среди тюркских заимствований имеются сотни слов, относящихся к разным областям экономики, культуры, быта и т. д. [3, 269-278].

В представленных текстах немало заимствований из русского языка, которые принято делить на две группы:

1. Слова, вошедшие в осетинский язык до 1917 г. и подчиняющиеся всем нормам осетинского языка;

2. Слова, заимствованные за годы Советской власти, которые сохраняют фонетику, не присущую осетинскому языку. В настоящее время через русский язык в осетинский проникает огромное число слов из европейских языков (греческий, латинский, немецкий, английский, французский, итальянский и др.) [3, 387-388; 9, 322].

Кроме всего, в осетинском языке существуют слова с недостаточно ясной этимологией, не имеющие или почти не имеющие соответствия среди других иранских языков.

Например, слово «begara» (гужевая повинность), которое присутствует лишь в персидском языке, тогда как в других иранских языках не отмечается. Однако до сих пор не все иранские языки, особенно их диалекты, обстоятельно описаны. Например, в сель-

ских местностях Центрального и Западного Ирана, Иранском Азербайджане, Фарсе и др. до сих пор сохраняются десятки диалектов (или языков), которые изучены недостаточно, и вопросы об их группировке и отношениях друг с другом и другими иранскими языками-диалектами непонятны и спорны. Лексическое разнообразие этих иранских языков-диалектов не полностью исследовано, и этот фактор следует иметь ввиду для выявления этимологии осетинских лексем [11, 135-256; 10, 166-200].

При этимологических исследованиях трудность представляют слова, которые распространены на обширном ареале и в разных неродственных языках. Например, «cirag», «baba» и др. являются достоянием всего кавказского языкового ареала. Сложно в этих случаях выяснить, какой язык является изначальным источником этих слов.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Соотношение исконной и заимствованной лексики с достоверностью может быть определено лишь имея ввиду конкретный письменный источник;
2. Численное соотношение всех слов иранского фонда иноязычных заимствований можно определить с некоторой точностью по конкретным лексографическим пособиям;
3. Словарь не сможет полностью отразить подлинный характер осетинского языка, т. к. невозможно учесть всю терминологию, осетиноязычные гибриды и т.д.;
4. В большинстве текстов количество иранской по происхождению лексики, составляет около 90%.

-
1. Миллер В. Ф. Языки Осетин. Москва-Ленинград, 1962.
 2. Абаев В. И. Осетинский язык, фольклор. Москва-Ленинград. Кн. 1. 1949.
 3. Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ: Ир. 2006.
 4. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осет. языка. Указатель. Составили: Е. Н. Сченснович, А. В. Пушникова, Л. Р. Додыхудоева, М., 1995.

5. Джусойты Н.Г. Неизбывная дума о жизни, Цхинвал «Хуссар-Алани», 2009.
6. Ногдзау. Владикавказ, 2019. № 4.
7. Нарты. Осетинский героический эпос в трех книгах, Книга 1. М: Наука, 1990.
8. Растдзинад. 2017. №140 (24422) от 4 августа.
9. Языки Мира: иранские языки. 3. Восточные языки. М.: Индрик, 2000.
10. Языки Мира: Иранские языки. 1. Юго-западные языки. М.: Индрик, 1997.
11. Языки Мира: Иранские языки, 2. Северо-западные языки. М.: Индрик, 1999.

Ф. О. Абаева,
кфн, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(Владикавказ)

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА: НАЗВАНИЕ ПАШНИ И ТЕРМИНЫ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ИМ

В статье анализируется земледельческая лексика осетинского языка – термины, связанные с пахотой, обработкой земли, посевом, сенокошением. Раскрываются семантические особенности состава полеводческой терминосистемы; выявляются особенности их строения и способы образования.

Анализ лексики сферы традиционного осетинского хозяйствования проводится на основе экстралингвистических факторов, с привлечением материала смежных гуманитарных дисциплин.

Анализируемый материал исследования извлечён из словарей осетинского языка (историко-этимологического, толкового, двуязычных и трёхязычных) методом сплошной выборки; привлечён также авторский полевой материал.

Ключевые слова: осетинский язык, земледельческая терминосистема, специальная лексика, словарный фонд, семантика.

The article analyzes the special vocabulary of the Ossetic, namely, the terms associated with plowing, land cultivation, sowing, haymaking. The features of their structure and methods of formation are revealed. The semantic features of the composition of the field cultivation terminology system are revealed.

The analysis of the vocabulary of the sphere of traditional Ossetic management should be carried out on the basis of extralinguistic factors as well, since it is often necessary to draw on material from related humanitarian disciplines to establish a particular linguistic fact. The material for the research was extracted from the dictionaries (historical-etymological, explanatory, bilingual and trilingual) of the Ossetic by the method of continuous sampling. Field material was also involved.

Keywords: Ossetic, vocabulary, terminology, special vocabulary, vocabulary, semantics.

Комплексное изучение, сбор, фиксация и классификация словарных слоёв, тематически соотносящихся с традиционным хозяйством осетин, является актуальным не только для осетиноведения, но и для иранистики и индоевропеистики в целом.

Ещё со времен расцвета Алании основными формами хозяйства были земледелие и скотоводство. Наибольшему развитию земледелия способствовали такие факторы, как переход на оседлый образ жизни, наличие плодородных земель и заимствование у исконно земледельческих кавказских народов опыта в новом для них горном земледелии.

В статье предпринята попытка рассмотреть часть земледельческих терминов осетинского языка, в составе которых присутствует основа **хуым**. Семантика лексемы **хуым** – возделанное поле, пашня, нива. Этимологическая принадлежность слова, впрочем, как и практически всей земледельческой лексики осетинского языка, возводится к европеизмам, и ведёт к лат. *humus* «земля» [1, 261]. В качестве словообразующего и терминообразующего компонента **хуым** «пашня» выступает в большей части земледельческой терминосистемы.

На базе **кæн-** (**кæн-ын** «делать», «производить») в результате его слияния с различными приглагольными суффиксами имеют несколько полиморфемных единиц; ср.: **хуымгæнæг** «пахарь», **хуымгæнд** «запашка»; «посев»; **хуымгонд** «пашня» и др. им свойственны соотносительные слова, активно используемые в качестве полнозначных слов. элементы **-гæнд** и **-гонд** – результат развития причастий **кæнд** и **конд**, являющихся двумя вариантами одной грамматической формы.

Образование сложных слов с производящей основой **хуым-** – продуктивно; ср.:

хуымгæнæн пахота; время пахоты;

хуымгæнд пашня, вспаханная земля, запашка; посев;

хуымгуыст полеводство;

хуымгæнæг пахарь;

хуымгæрдæг жнец;

хуымгæрдæн жатва; время жатвы;

хуымгæрст скошенная пашня; сжатое поле;

хуымзæхх пахотная земля;

хуымгæнæнтæ время пахотных работ;

рагхуымгæнд ранняя запашка.

В основном, как видим, отглагольные существительные.

Заметим, что образования с **хуым** очень продуктивны: это – существительные с полусуффиксами: – **дзау** (**хуымдзау** «жнец», «пахарь»; – **гæс**: **хуымгæс** «сторож поля» («охраняющий то, что названо

мотивирующим словом»), являющиеся названиями лица; субстантивированные прилагательные с тем же значением (*хуымон* «работающий в поле»; «полевой»); субстантивированные причастия с названиями лица по действию в настоящем (*хуымгæнæг* «пахарь»); суффиксальные прилагательные (*хуымджын* «имеющий надел земли») и др.

Существительное *хуым* входит также в состав некоторых терминов сенокосения. К примеру, *карст хуым* скошенная пашня. Образований с лексемой *хуым* много, потому что земледелие охватывает многие процессы труда; ср.:

конд хуым вспаханная пашня;
хуымгæнды хай участок пашни;
рывд хуым прополотая земля;
хуым байтауын засеять поле;
хуым тауын засеивать пашню;
фардæг хуым дальняя пашня;
хæрхæраг хуым каменистая (букв. шумящая) пашня;
зад хуым урожайная пашня;
хус хуым засохшая пашня;
хорз хуым урожайная пашня;
хуымгонд фæуын окончить обработку пашни;
хуым кæнын бавналын начать пахать;
хуым кæнын пахать;
бахуым кæнын запахать;
хуым кæрдын жать;
хуым бакæнын вспахать поле;
хуым ласын бороновать;
ахуым кæнын вспахать, разбить грядку;
хуымтæм хъацæнтæй базилын удобрить;
рывд хуым прополотая пашня;
фаджысджын хуым унавоженное поле;
дывæлдæхт хуым участок, вспаханный два раза (дважды);
конд хуым вспаханный участок;
къуыбарджын хуым земля с комками, т. е. плохо вспаханная;
хуымгæнæны мæй апрель;
хуым кæрдын косить сено;
хуым афæйлауын разрыхлить пашню;
кæрдинаг хуым созревшая нива;
хортыд хуымтæ засеянные пашни;

хуымы гæппæл клочок земли;
фæтæн хуым широкая пашня;
ныллæг хуым небольшая пашня.

Лексема *хуым* в таких словосочетаниях является определяемым словом.

К более поздним терминам относится сложное относительное прилагательное, образуемое путём сочетания существительного в значении объекта с отглагольным именем, исходящим на суффикс *-æн*: *хуым-гæрдæн машинæ* жатвенная машина.

Сбор, фиксация, описание и анализ лексики осетинского языка, связанной с традиционным хозяйствованием, является непреложной задачей, поскольку нуждается в своевременном сохранении в связи с выходом из употребления и применения определённых предметов, естественно, уходят и слова, которые их обозначают.

Известно, что ещё в недалёком прошлом полеводство было довольно широко распространено среди осетин. Поэтому парадигма терминов, с ним связанная, имеет разветвлённую структуру. Проиллюстрируем:

фалгæнд прошлогодня пашня;
фаронгæнд прошлогодня пашня;
уис полоса скошенной травы;
уис хæссын косить полосу травы;
сапп непригодная для обработки часть земли у склона горы, граница с пашней;
кæрсын пахать;
æркæнын вспахать;
бакæнын вспахать;
бонгæн земля, которую можно обработать за один день (мера земли);
фæлдахын вспахать;
мус ток, место, куда свозят сено;
уæлтау/уæлтуан перекрещивающиеся берёзовые прутья на копне, к концам которых подвешиваются камни (для защиты от ветра);
халхос сено, полученное из жёсткой травы;
бонцау площадь земельного участка, вспаханного за один день одной упряжкой;
хосгæрст сенокос;
уыгæрдæн покосный участок, сенокос;

хосдон сеновал;
хосгæс сторож сена;
хосдон сеновал;
хосдæрæн сеновал;
цъери скирд, копна;
зæхх фæлдахын пахать;
тиллæг урожай;
угæс снопы, уложенные на поле для просушки (обычно – семь снопов);

мæкъуыл копна;
цъына стог;
цъери/лæппæр скирд;
куырис/курес сноп, вязанка;
дзаджджын зæхх плодородная почва;
зæна тучные поля, богатая земля;
уалдзыгæнд весенняя вспашка.

Для обозначения земли в осетинском языке обнаруживается ряд слов, которые имеют некоторые семантические различия:

зæхцъар грунт;
æрнæг целина;
зæхх земля;
сыджыт земля как вещество, грунт;
мæр почва;
саумæр чернозём;
æмбыдмæр перегной;
хæмпус разрыхлённая земля;
æгайнæг зæхх целина;
æгæндæг зæхх необработанная земля;
æнæсаст зæхх целина;
анаули пар (необработанная, невспаханная в сезон земля. –

Ф. А.);

бын земля;
нæуу целина;
уагъд зæххытæ залежные земли;
зæрæстон пахотная земля под паром;
хæрсæ участок обрабатываемой земли;
быдыр поле;
фæз поле.

Отдельно отметим термины в форме отглагольных существи-

тельных множественного числа, отличающихся унифицирующей семантикой. Они объединяют определённый состав земледельческих работ; например,

таугæнтæ работы по засеву пашни;

найгæнæнтæ молотильные работы;

хосгæрдæнтæ пахотные работы и т. п.

Относительно культуры земледелия В.И. Абаев сообщает, что языковые данные оправдывают европейскую его основу, поскольку «в осетинском (языке) нет, пожалуй, ни одного земледельческого термина, кроме названия проса *jaw*, который можно было бы с уверенностью возводить к общеиранскому и общеарийскому» [2, 415].

Накопленный богатый материал по терминологии полеводства является одним из значительных лексических слоёв осетинского языка [3, 4, 5].

В статье рассмотрена лишь часть земледельческих терминов, в основном та, которая включает компоненты *хуым*- и *хос*-. Перспектива исследования предполагает включение названий инструментов уборки, подготовки сена; названий убранный сена, способов хранения, предметов и мест, в которых оно хранилось, а также описание того, на чём перевозилось; названий персоналий, связанных с данным ремеслом; названий действий и т. д.

Важно, что практически все единицы данного лексического пласта рассматриваются в тесной связи с этнографией, которая сохранила формы повседневной жизни людей, материальную культуру, включающую созданные человеком материальные ценности, а также хозяйство. Формы хозяйства и методы хозяйствования отложились в языке его носителей. Время, уход старшего поколения, глобализация способствуют исчезновению номинативов, связанных с подробным описанием технических процессов, названиями инструментов, традиционных изделий и их применением в быту. Всё это позволяет проследить связь с материальной культурой, обуславливающей особенности традиционной языковой картины осетин.

Таким образом, отраслевая лексика, охватывающая термины, относящиеся к полеводческим работам, подвела к следующим выводам:

– наиболее продуктивным способом образования терминов рассматриваемой тематической группы оказался морфологический;

- терминообразующие компоненты *хуым*- и *хос*- входят в состав большинства сельскохозяйственных терминов;
- практически вся сельскохозяйственная терминология осетинского языка, по наблюдениям В. И. Абаева, происходит из европейских языков;
- полеводство, а также непосредственные работы, связанные с подготовкой сена, занимали особое место в жизни традиционного хозяйствования осетин, что подтверждается обширной терминологией, им обусловленной.

-
1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1989. Т. IV.
 2. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. Постановка проблемы. М.: Наука, 1965.
 3. Бесолова Е. Б. Лексикон произведений Коста Левановича Хетагурова как материал для создания тезауруса // Известия СОИГСИ. 2010, №4 (43). С. 67-73.
 4. Абаева Ф. О. Къæлæтджын: из предметно-бытовой лексики осетинского языка // Известия СОИГСИ. 2018. № 29 (68). С. 144-151.
 5. Абаева Ф. О. Об особенностях терминологии кожевенно-скоряжного ремесла в осетинском языке // Известия СОИГСИ. 2016. №22 (61). С. 113-119.

А. Б. Бритаева,
кфн, снс СОИГСИ им. В. И. Абаева
(г. Владикавказ)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ОСЕТИНСКОЙ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

В статье обзорно рассматривается история развития осетинской детской поэзии первой половины XX в. Особый акцент ставится на определении ее в социокультурном контексте. Целью исследования является получение целостного представления об осетинской детской поэзии указанного периода как историко-литературном явлении, отражающем общие тенденции развития осетинской, российской истории, культуры, литературы. Научная новизна работы состоит в установлении диахронических трансформаций осетинской детской поэзии в различных аспектах (содержательном, формальном, функциональном), что позволяет сделать выводы об основных тенденциях ее развития.

Ключевые слова: осетинская детская литература, поэзия для детей, основные тенденции, литературный процесс.

The article reviews the history of the development of Ossetian children's poetry of the first half of the XX century. Special emphasis is placed on defining it in a socio-cultural context. The purpose of the study is to obtain a holistic view of the Ossetian children's poetry of the specified period, as a historical and literary phenomenon reflecting the general trends in the development of Ossetian, Russian history, culture, literature. The scientific novelty of the work consists in establishing diachronic transformations of Ossetian children's poetry in various aspects (substantive, formal, functional), which allows us to draw conclusions about the main trends of its development.

Keywords: ossetic children's literature, poetry for children, main trends, literary process.

Детская литература – особенная, вполне автономная область художественного творчества. Да, она создается по тем же законам, канонам, что и «взрослая литература», но при этом специфична. Ее выделяют, прежде всего, возрастные и психологические особенности адресата, а также воспитательно-образовательные задачи, стоящие перед ней. Детская поэзия, являющаяся предметом данного экскурса в историю становления и развития осетинской детской литературы, зарождалась в эпоху переломную, сложную.

Поэзия всегда является наиболее чувствительным и мобильным сегментом литературы, она первой реагирует на изменения в политической, общественной жизни, культуре, искусстве.

Зарождение осетинской детской литературы в целом, и поэзии в частности, несомненно, связано с именем основоположника осетинской художественной литературы К. Л. Хетагурова. И не случайно особое место в его «Осетинской лире» занимают произведения, посвященные детям. Они были выделены поэтом в отдельный цикл, названный «Мой подарок осетинским детям». Поэт любил детей безграничной любовью: «Лишенный с самого раннего детства материнской ласки и радостей семьи, я до сих пор с поразительной восприимчивостью переживаю волнения, радости и печали счастливого детского возраста. Нигде мне так не весело, как с ними, ни за кого я так не страдаю, как за них», – писал он В. И. Смирнову в декабре 1897 г. [1, 73].

«Алолай», «Шалун» («Фыдуаг»), «Школьник» («Скъолайы лæппу»), «Будь мужчиной» («Лæгау»), «Ласточка» («Зæрватыкк»), «Трясогузка» («Дзывылдар»), стихи о временах года, стихотворные переводы произведений русских авторов («Волк и журавль», «Ворона и лисица», «Гуси», «Летний дождь» ...), оригинальные басни поэта («Олень и еж» («Саг æмæ уызын»), «Упрек» («Уайдзæф»), «Лиса и барсук» («Рувас æмæ зыгъарæг»...) – их отличает отточенный стих, простота изложения, меткость языка, тонкий юмор. Стихи были написаны не в XX веке и формально может и не относятся к теме данного исследования, но именно с них и начинается свое развитие осетинская детская поэзия. «Эти стихи проникнуты теплым отношением к ребенку: они отличаются четкостью и грациозностью образов; в этих поэтических жемчужинах сквозит безграничная любовь Коста к детям, его приветливая усмешка, глубокая наблюдательность», – писал Л. П. Семенов в статье «Коста Хетагуров о детях» [2, 22].

Хрестоматийными стали и стихи Асламурса Кайтмазова: «Труд» («Фæллой»), «Сирота» («Сидзæр»), «Сенокос» («Хосгæрдæн»), «Ребята и синица» («Лæппутæ æмæ дзывылдар»). К сожалению, лишь малое количество произведений поэта дошли до своего читателя – рукописи его сгорели во время пожара в доме, но то, что сохранилось, свидетельствует о несомненном таланте поэта. Его «Сирота» («Сидзæр») – произведение, с которым осетинские дети, наравне с «Гино» и «Уасæг» Коста, знакомятся с самого раннего детства, заучивают

наизусть. Литературоведы отмечают «поэтичность, музыкальность, отточенность и легкость стиха» поэта [3, 33].

Такая высокая планка была задана при зарождении осетинской детской поэзии. Следующим значительным шагом в развитии осетинской детской поэзии стало творчество Иласа Арнигона. Его стихи «Цветок» («Дидинаæg»), «Сирота» («Сидзæр»), «Тузар», «Усни же» («Ахуысс, цæй!»), «Приветствие» («Арфæ») и др., написанные в 1911-1915 гг. также вошли в школьные хрестоматии. В них и вышеперечисленных воспевались и провозглашались «эстетические и ценностно-воспитательные ориентиры» [Там же].

1917 год – переломный момент не только в истории страны, но и в развитии литературы, в том числе и детской. Общечеловеческие ценности стали заменяться классовыми, идейными. Политическая ситуация требовала от детской литературы формирования так называемого «нового человека», проникнутого не общечеловеческими, а классовыми интересами [4, 31]. В первые годы становления Советской власти руководство страны занимает жесткую позицию создания классово и политически ориентированной детской литературы, что отражается в постановлениях партии и правительства.

Что же касается новых имен и выхода на литературную арену сугубо детских авторов, то в первые десятилетия XX века детскую литературу представляли большей частью «взрослые» авторы: Ц. Гадиев, А. Коцоев, Г. Бараков, Давид Хетагуров, Созыр Баграев, Дабæ Мамсуров и др. Из сугубо «детских» писателей, каковыми они стали значительно позже, можно назвать лишь прозаика С. Бритаева и поэта М. Басиева.

Осетинская детская литература не могла не отзываться на ситуацию в стране: на страницах периодических изданий «Юная Осетия» (с 1929 г. – «Æвзонг Ирыстон», а с 1956 г. – «Æрыгон коммунист»), «Горский пионер», «Æвзонг тых» (позже – «Молодой большевик»), «Рæстдзинад» публиковались стихи Т. Епхиева, К. Фарниона, Г. Баракова, Ц. Хутинаева, Я. Хозиева, Х. Ардасенова, Д. Мамсурова и др., воспевавшие новую жизнь. К примеру, стихотворение С. Джанаева:

«Айрæзæм, айрæзæм иумæ, сывæллæттæ,
Уалдзыгон хур нæм кæсы,
Уалдзыгон хурмæ ныр айвазæм не уæнгтæ,
Ног цард нын амонд хæссы» [5, 245].

Или Ц. Хутинаева:

Царды уаг –
 Рухс фæндаг,
 Цомут æнгом!
 Фендзыстæм,
 Фендзыстæм
 Алцы æргом <...>.

Мæгуыртæ,
 Сидзæртæ,
 Не «ппæт – уæндаг,
 Афтамæй
 Хъæздгуйтæй
 Байстам фæндаг [6, 15].

Такие призывы и лозунги слышались практически во всех произведениях, адресованных подрастающему поколению. «События революции, классовой борьбы, гражданской войны еще долгие годы, вплоть до 70-х годов, находили отражение в произведениях осетинских писателей, написанных для детей» [7, 181-182].

В 20-х и особенно в 30-40-х гг. начался новый этап в развитии детской литературы. В русской советской литературе этот период небывалого роста и обновления К.И. Чуковский назвал «эпохой бурного Ренессанса» – на литературную арену вышли корифеи детского стихотворчества: С.Я. Маршак, А.Л. Барто, С. Михалков, Э. Багрицкий и др., продолжал творить и сам К.И. Чуковский.

Что касается осетинской детской литературы, то здесь превалировал бурный рост переводной литературы. После Первого съезда писателей в 1934 году активно стали переводиться на национальные языки произведения классиков русской и зарубежной литературы. Затронул этот процесс и осетинскую детскую литературу. Об этом обстоятельно пишет в своих статьях Е.Б. Дзапарова [8]. В основном это коснулось прозы. Поначалу это рассказы, имеющие четкую идеологическую направленность: множество рассказов о Ленине, Орджоникидзе, Кирове и других революционерах, воспевавшие новую жизнь и высмеивавшие пережитки старой дореволюционной действительности. Затем – произведения русских и зарубежных классиков, вошедшие в круг детского чтения. Поэзии это коснулось в меньшей мере.

Литературу для детей дошкольного младшего и среднего школьного возраста начала XX в., кроме переводов, представляли, глав-

ным образом, обработки осетинских народных сказок, всевозможные переложения сказочных сюжетов, в том числе и стихотворные.

И все же, несмотря на идеологизированность детской литературы, были писатели, которые пытались противостоять, насколько могли, разрушению общегуманистических традиций: наравне с заказом партии и правительства на «политагитки», они писали и настоящие стихи, в которых обращались к своим юным читателям с тихой беседой, разговаривали с ними как с равными, и тема труда в их произведениях не звучит пафосно. Среди них Г. Бараков. Большой вклад в развитие литературы того периода внесли Харитон Плиев, у которого отдельными книгами вышли стихи для детей («Дидинаæg», «Æнусон цин» и др.). Стихи поэта на долгие годы и даже десятилетия были внесены в школьные хрестоматии:

Бирæ фæрæвдыдтай
Уæ, гыцци, мæн,
Арæх-иу аргъæуттæ
Кодтай мæнæн.

Хъарм-иу мæ бамбæрзтай,
«Хур» мæ хуыдтай.
«Ахуысс мын, айрæз мын!» –
Заргæ дзырдтай. [9, 93]

В эти же годы С. Баграев подготовил к изданию книгу «Сувалланти дуйне», но она тогда так и не была издана; было опубликовано стихотворение-сказка Я. Хозиева «Спор» («Хæснаг») ...

Детская литература в целом, и поэзия в том числе, расширяла свои горизонты. Появились стихи, лишенные излишней назидательности, революционного и патриотического пафоса, сухой дидактичности – они были написаны для детей, авторы создавали свои произведения, учитывая природу детей, их тягу к игре, к легкости. Но нужно отметить, что такие произведения были адресованы в основном детям младшего возраста.

Если поэзия для детей младшего возраста учила ребенка чувствовать слово, его красоту и оригинальность, соединяла яркое игровое начало с дидактикой, познавательным аспектом, то поэзия для юношества жила по совершенно иным законам. Она вырастала из гущи событий, остро, динамично и точно реагировала на все явления действительности, но воспринимала окружающий мир в ро-

мантическом ключе. В молодежную и во «взрослую» поэзию пришла целая плеяда художников слова, активно участвовавших как в революционных событиях, так и прошедших боевое крещение на полях гражданской войны. Появилась необходимость в литературе, рассказывающей детям о пятилетке, социалистическом строительстве, ударничестве, коллективизации сельского хозяйства, о покорении природы. Осетинские детские писатели откликались на все важные события в жизни страны. И свидетельством тому – стихи М. Басиева («Октябрæн», «Пашæйы трактор», «Ногдзауты зарæг», «Равзæрди дидинæг»), Ч. Бигулова («Сталинмæ»), а также стихи, призывающие к труду, к учебе, буквально кричащие о любви к Родине («Фæском-цæдисон» А. Царукаева, «Пионерты зарæг» Г. Плиева, «Ног тыхтимæ ахуырмæ» Г. Цагараева, «Скъоладзауæн» Г. Джигоева и т. д.).

К концу 30-х годов в стране нарастает напряженная предвоенная обстановка, идет война в Испании. На страницах журналов газет публикуются очерки, рассказы, о героях: целые номера журналов были посвящены, например, войне в Испании (ж-л «Сырх дидинæг», 1938, №3), не осталась в стороне и поэзия, но в большинстве своем это были стихи «взрослые», которые и составляли на тот период «детское чтение». Появлялись и стихотворные сказки, написанные по фольклорным мотивам. Среди них сказки-поэмы Дабæ Мамсурова «Габат и три его сына» («Гæбæт æмæ йе «ртæ фырт»), повествовавшая о предвоенной ситуации в стране, «Сын вдовы» («Сидзæргæсы фырт») Чермена Губаева, «Две жизни» («Дыууæ царды») Батырбека Агнаева и др. Надо отметить, что художественность в них зачастую приносилась в жертву идеологии. И все же они были востребованы, поскольку были написаны на злобу дня.

Если говорить об общих тенденциях, то в осетинской детской литературе начала XX в., как в прозе, так и в поэзии явственно сказывается мужественный и жизнеутверждающий взгляд на мир, реалистичность в описании явлений природы и духовной жизни человека. Однако многие произведения отличались чрезмерной дидактичностью, открытой назидательностью, что противоречило лучшим принципам детской литературы.

Началась Великая Отечественная война. Большинство писателей и поэтов ушли защищать Родину. Как отмечал Ш. Ф. Джикаев, литературная жизнь не замерла с началом ВОВ. Выход журналов «Мах дуг» и «Фидиуæг» был временно приостановлен, но газеты продолжали свою работу, поэты, воевавшие на фронтах ВОВ присылали

свои стихи [10, 336]. В 1942 году, когда линия фронта приблизилась к городу Владикавказ, временно прекратился выход журнала «Пионер» (ранее – «Сырх дидинæг», а ныне – «Ногдзау»). «В годы войны появлялись на страницах периодики редкие стихи, обращенные к детской аудитории, но в круг детского чтения в эти годы преимущественно входили произведения «взрослой» литературы [7, 84-85]. И все же в годы войны находили возможности издавать книги для детей, но это в большинстве своем произведения прозаические. Герои этих произведений – в основном ровесники адресата, то есть дети и подростки, которые встают к станкам или как-то иначе помогают взрослым бороться с врагом. Эти персонажи на себе испытывают все тяготы войны, они с нетерпением ожидают победы и возвращения братьев и отцов, а зачастую они и сами могут дать отпор врагу, явив пример мужества и героизма.

Тема Великой Отечественной войны, тема подвига народа, патриотизма стали основными в послевоенной детской литературе и вплоть до 70-х годов XX столетия; нашли свое место в творчестве практически всех художников слова и во всех жанрах; если говорить о поэзии, то это стихи о войне Д. Дарчиева, Г. Кайтукова, М. Басиева, Г. Плиева и др.

Тема войны оказалась настолько всеобъемлющей и масштабной, что определила своё развитие и в послевоенный период. Однако важность темы, её актуальность не могли затмить появление произведений иного типа, другой тематики. Быстрее всего переключилась на мирную жизнь после окончания войны детская поэзия, которая всегда откликалась на наиболее актуальные вопросы современной жизни. Стихи послевоенных лет осетинских поэтов М. Басиева, Гафеза, Г. Кайтукова, Д. Дарчиева, Х. Плиева и др. полны оптимизма, пронизаны чувством радости; доступным для детей языком в них рассказывается о победе советского народа в ВОВ, о труде простых людей, о природе, детях, забавах, радостях и горестях.

Все эти годы произведения Коста Хетагурова оставались «настойной книгой» осетинской детворы, многократно переиздавались произведения, написанные для детей: в 1936 г. – «Гино-Гис», 1939 г. – «Мой подарок детям Осетии» («Мæ хæрзæггурæггаг Иры сывæллæттæн»), 1946 г. – «Детям» («Сывæллæттæн»), 1948 и 1949 гг. – «Ласточка».

Продолжали создаваться произведения по мотивам осетинского устного творчества, наиболее значительные из которых: «Сказка о двух ласточках и двух соседях» («Дыууæ зæрватыччы æмæ дыууæ

сыхаджы аргъау») Нигера, «Гамат» («Гæмæт») Д. Дарчиева, «Згидская красавица» («Зджыды рæсугъд») Б. Муртазова. Эти стихотворные сказки – большой шаг в становлении и развитии осетинской литературной сказки.

Краткий анализ развития осетинской детской поэзии первой половины XX века позволяет сделать вывод о том, что в ней как в зеркале отражались все события общероссийской истории, идеологические установки общества. Тема войны заняла в ней огромное место. Однако к концу 1940-х – началу 1950-х гг. поэзия для детей решает и другие, по большей части мирные проблемы. Она, пусть медленно и неуверенно, но все же поворачивалась лицом к проблемам сугубо детским: укрупнялась ее проблематика, психологически глубже и достовернее разрабатывались характеры героев.

-
1. Хетагуров К.Л. Полное собрание сочинений в 5. т. Т. 5, Владикавказ, 2001. 719 с.
 2. Семенов Л.П. Избранное. Орджоникидзе, 1964. 419 с.
 3. Мамиева И.В. История осетинской литературы. Учебное пособие. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. 172 с.
 4. Алексеева М.П. Советские детские журналы 20-х годов. М., 1982. 132 с.
 5. Хурзæрин. Сывæллæтты антологийы литературæ. 2 т. Т. 1. Орджоникидзе: Ир, 1973. 257 ф.
 6. Хуытгъинаты Цыппу. Рухс фæндаг // Ногдзау. 1985. №3. Ф. 14-15.
 7. Бритаева А.Б. Осетинская детская литература как канал воспроизводства духовных ценностей народа // Всероссийские Миллеровские чтения, 2018. № 6. С. 180-187.
 8. Дзапарова Е.Б. Созырыко Бритаев как практик и теоретик художественного перевода в осетинской литературе // Известия СОИГСИ. 2017. № 24 (63). С. 110-119.
 9. Нæ хурты хуртæн. Хрестомати рæвдауæндæтты хъомылгæнинæгтæ æмæ кæстæр кары скъолазаутæн. Дзæуджыхъæу: Ир, 1990. 238 с.
 10. Джыккайты Ш. Ирон литературæйы истори (1917-1956 азтæ): Ахуыргæнæн чиныг Ирыстоны паддзахадон университеты ирон филологийы факультетты студенттæн. Дзæуджыхъæу: Ир. 2001. 463 ф.

VII. ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Д. В. Хапсаева,
мнс Лаборатории прикладной социологии
и конфликтологии ВНЦ РАН

РИСК-КОНСТРУКТ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКИ

На основе зарубежных концепций социальных рисков в настоящей статье рассматривается экологический риск как социальный конструкт, как представление общества об опасности. В формировании риска-конструкта при мобилизующей роли информационной среды, воздействующей на экологическое сознание и поведение граждан, проявляют различную степень активности многие участники экопроцесса, в том числе общественники и политики. Анализ предвыборных программ политических партий, подкрепленных реализацией конкретных локальных задач, показывает, что политические партии, с одной стороны, являются акторами экопроцесса и могут участвовать в формировании риска, а с другой – выполнять противоположную функцию противостояния конструированию риска.

Ключевые слова: экологическая социология, конструирование риска, политические партии, экологическая повестка.

On the basis of foreign concepts of social risks, this article considers environmental risk as a social construct, as a public perception of danger. In the formation of a risk construct with the mobilizing role of the information environment, affecting the ecological conscience and citizens' behavior, many participants of the eco-process, including public figures and politicians, show varying degrees of activity. An analysis of the political parties' electoral programs, supported by the implementation of specific local tasks, shows that political parties, on the one hand, are actors of the eco-process and can participate in the formation of risk, and on the other hand, perform the opposite function of opposing the construction of risk.

Keywords: environmental sociology, risk engineering, political parties, environmental agenda

В экологической социологии важная методологическая роль отведена концепциям социального риска (У. Бек, Г. Бехманн, П. Бергер, Т. Лукман, О. Н. Яницкий и др.). В зарубежной историографии особый интерес представляют исследования немецкого ученого Ульриха Бека, выдвинувшего теорию «общества риска». У. Бек считает, что все модернизационные процессы неизбежно вызывают риски, поэтому основной задачей является их адекватная оценка и минимизация опасности [1,55-56]. Признавая фактор влияния неблагоприятной экологии на общество, У. Бек, а вслед за ним и другие исследователи, выделяют среди экологических рисков социальные, несущие вред здоровью и качеству жизни людей, и экономические, с ущербом для развития экономики и природных ресурсов.

Особого внимания заслуживает тезис У. Бека об обществе риска как «обществе науки, коммуникативных и информационных средств». Возможные риски появляются в повестке общественного дискурса только после того, как общество получает о них коллективное знание, основанное на научных исследованиях и популяризированное СМИ. Факт «признания» таких рисков в цивилизованном обществе расценивается как основание для оценки уровня опасности, блокировки последствий рисков, которые перестают восприниматься как неотвратимые.

В отечественной историографии в изучении социального риска прослеживается два подхода: риск как вероятность или наличие реальной опасности и риск как социальный конструкт, как представление общества об опасности.

Для нашего исследования второй подход представляет особый интерес. Риск конструируется обществом, в значительной мере, под влиянием информационной среды. Многие исследователи отмечают, что в последние годы российское общество стало намного активнее реагировать на проблемы, связанные с нарушением экологических норм. Вместе с тем, эта реакция имеет специфический характер. В специальной литературе зафиксировано мнение о постоянно отстающем характере общественной реакции: она наступает только после очевидных и озвученных в информационном пространстве последствий неблагоприятной экологии. «Реакцию порождает не антропогенная экологическая проблема как таковая, а главным образом ее социальные последствия» [2,101], – считает И. Н. Котова.

Этот тезис представляется важным в контексте экологической

социологии, потому что определяет экоповедение людей – индивидов и объединенных в различные социальные группы. Оно зависит не только от мотива и потребности, и по характеру является не столько экологическим, сколько социальным. Действия людей, направленные на разрешение этих экологически обусловленных социальных проблем и ликвидацию возникших угроз уровню и качеству жизни, носят вполне конкретный социальный характер. Это подтверждается поведенческими формами – демонстрации, пикеты, бойкоты конкретных товаров и даже формирования электоральных предпочтений, особенно во время выборов компаний.

Экосоциология риска в теоретическом и прикладном аспектах в последние годы привлекает внимание исследователей в части влияния рискогенной среды на формирование новых социальных институтов, а также на индивидуальное поведение граждан [3].

Однако практика показывает, что риск становится социальным конструктом только при определенных условиях. Риск конструируется в ходе консолидации экозащитных социальных групп и индивидов, деятельность которых активно освещается в социальных сетях и других СМИ. Он усиливается информацией, в том числе не всегда проверенной, о вреде для здоровья и природы, об огромных сверхдоходах и сверхприбыли бизнес-сообществ или отдельных предпринимателей, об их связи, реальной или мифической, с властью, о «преступном сговоре» против народа. При этом используется статистика. Разная, из разных источников: от властных структур, от владельцев заинтересованных предприятий, от независимых экспертов, от ученых. Первые два источника, как правило, не вызывают доверия общества.

На таком фоне происходит оперативное формирование экозащитных групп в сетях, появляются свои лидеры, расширяется круг участников экосоциального процесса.

В рамках проекта «Минимизация промышленных рисков в регионах России: социальный и политический аспекты» проведены исследования, которые показали, что основным трендом современной экологической политики и практики стала ее региональная локализация. Все известные экологические проблемы привязаны к определенным территориям, они носят не всероссийский широкий характер, а сосредоточены на территориально ограниченном пространстве, в котором концентрируется и экологическая активность, направленная на решение конкретной проблемы.

В Северо-Кавказском Федеральном округе таких проблем скопилось немало. В Республике Северная Осетия – Алания много лет общественность и ученые ставили вопрос о вредоносности известного завода «Электроцинк», который с переходом в частные руки перестал выполнять защитные мероприятия. Горожане Владикавказа и пригородных районов жаловались на постоянные выбросы, с которыми связывали рост онкологических заболеваний. В ответ на требования общественности ликвидировать вредоносный завод, власти и «системные» общественные организации говорили о слабой доказательной базе вредности завода. Это продолжалось до тех пор, пока однажды на заводе не произошел пожар, что перевело экологическую ситуацию из категории острых в чрезвычайные. И продемонстрировало, как экологический риск может превращаться в острый социальный конфликт с протестными акциями в виде многочисленных митингов [4, 140].

Появились «живые» и сетевые группы быстрого реагирования «Электроцинк. Чем мы дышим?», «Стоп, Электроцинк», «Мы против «Электроцинка» и ряд других организаций, выступавших с острыми флешмобами, горячими дискуссиями, которые в конце концов вылились в массовый митинг. Под давлением общественности завод был ликвидирован, но последствия его вредоносной деятельности, а также социальные последствия, связанные с его ликвидацией, еще долго будут оставаться в социально-экономической повестке республики.

Немало экологических проблем скопилось в Республике Дагестан – загрязнение водного пространства, проблемы с отходами и пр. Самой «раскрученной» из них является угроза уничтожения озера Ак-Гель. В арсенале методов экозащитной деятельности – создание групп и движений, например, махачкалинского движения «ГородНаш», создание онлайн-петиций, которые собирают около тысячи подписей, многочисленных сетевых групп, блогов, съемки роликов с известными людьми, которые поддерживают дагестанцев в их стремлении к благоприятной экологии.

Аналогично развивается ситуация в Кабардино-Балкарской Республике. Группа сторонников закрытия завода «Гидрометаллург», с вредным химическим производством в Нальчике, насчитывает более 5000 подписчиков [5, 98-100].

Современным трендом молодежных организаций СКФО стало включение экологии в актуальную повестку. Так, Международный

молодежный форум «Каспий – 2021», организованный министерством по делам молодежи в сентябре на территории базы «Прибой» в городе Избербаш, пригласил участников общероссийского общественного движения «Волонтеры-экологи», которые обозначили основные проблемы экологии на Кавказе и в России.

После перед участниками форума выступил организатор волонтерского движения Адам Калиматов, который рассказал о движении в целом и поделился неутешительным прогнозом: «К 2050 году, согласно исследованиям, мы получим непригодную для проживания местность. Попытки для недопущения этой ситуации мы должны предпринимать уже сегодня» [6]. Молодежь призвали принимать участие в акциях движения «Волонтеры-экологи».

Экологическая повестка в последние годы включается в программы политических партий и отдельных лидеров в ходе выборов компаний.

В Госдуму в 2021 г. баллотировались две экологические партии. Российская экологическая партия «Зеленые», основанная в 1993 г., никогда не набирала нужного количества голосов и не играла существенной роли ни в политической, ни в экологической повестке страны. В этом году вместо прогнозируемых ВЦИОМ 3% партия набрала всего лишь 0,91% [7].

Аналогична ситуация с ее региональными отделениями, в частности с Северо-Осетинским отделением. И это положение не менялось с усилением общественного внимания к экологическим проблемам. Появление новой партии «Зеленая альтернатива» связано именно с этими обстоятельствами, т. е. с неудовлетворенностью общества слабой результативностью этой партии, и желанием неких политических сил сыграть на усилении социального внимания к экологии. Но этой партии также не удалось собрать свой весомый электорат, как и прогнозировал ВЦИОМ, а ее перспективы пока плохо прогнозируются.

Но другие, прежде всего, парламентские партии заметно расширяют экологическую повестку, ориентируясь на общественный запрос.

В 2007 и 2011 г. экологическая тема практически не упоминалась в программах Единой России, КПРФ, Патриотов. Более всех были озабочены проблемами экологии «Яблоко», «Справедливая Россия» и ЛДПР.

В 2016 году было подписано Парижское соглашение, 2017 г. был объявлен Годом экологии, по всей стране происходило обострение

конкретных экологических проблем, но на выборах Президента в 2018 г. тема экологии по-прежнему оставалась на периферии политической жизни. Исключение составило только «Яблоко», в программе которого были обозначены экологические права граждан, защита окружающей среды, поднимался вопрос об экологически чистых источниках энергии [8].

Выборная компания 2021 г. показала, что самая солидная экологическая повестка была включена в программу «Единой России». Основные положения Программы сводятся к созданию эффективной системы экологического мониторинга с открытым доступом к информации о загрязнении воздуха и водных объектов; законодательному закреплению ответственности за возмещение вреда окружающей среде за счет прибыли предприятий-нарушителей в виде штрафов и полного возмещения урона; распространение федерального проекта «Чистый воздух» на все российские города; установлению партийного контроля над ликвидацией 191 несанкционированной свалки и 88 выявленных опасных объектов накопленного вреда, созданию новых высокотехнологичных комплексов по обезвреживанию и утилизации опасных отходов; созданию условий для раздельного сбора ТКО; развитию сети экологически чистого общественного транспорта; обеспечению развития экологического туризма на особо охраняемых природных территориях при сохранении их экосистем. Также предусмотрено создание национальной системы регулирования выбросов парниковых газов, включая системы мониторинга, отчетности и проверки объектов выбросов, увеличение количества лесовосстановительных мероприятий за счет предприятий – эмитентов парниковых газов, установление ответственности за нарушения требований в области обращения с животными, в том числе за жестокое обращение с животными и ряд других позиций [9].

Следует отметить, что, помимо Программы, экологические проблемы заметно присутствовали в ходе предвыборной кампании партии. Например, «Единая Россия» получила более 45 тысяч наказов, касающихся улучшения экологической обстановки в Московской области. Среди них – строительство очистных сооружений в Тучково Рузского округа, капитальный ремонт плотины на реке Осётр в Зарайском округе, установка датчиков загрязнения атмосферного воздуха в Волоколамске, мониторинг состояния рек и водоёмов в Коломенском округе. Выполнение части наказов вошло

в число первоочередных, остальные было обещано выполнять на плановой основе в течение ближайших пяти лет. Особенное внимание было уделено проблеме утилизации мусора. Депутаты «Единой России» выступили инициаторами принятия закона о регулировании строительного мусора. В ходе кампании было приведено в порядок более 5 тысяч несанкционированных свалок. С 1 июля 2021 г. начала работать видеофиксация всех грузовых автомобилей, которые перевозят строительный мусор. В 2021 г. на территории региона началась реализация программы по установке экокунктов по сортировке мусора для вторичной переработки. Депутаты обещали в течение года установить 900 экокунктов, а к 2025 г. довести их количество до 5 тысяч.

Другим важным направлением была объявлена работа по обеспечению жителей Подмосковья качественной питьевой водой. Благодаря новой водораспределительной станции чистую воду получили жители трех микрорайонов Одинцово – это больше 25 тысяч человек. Реализация программы «Чистая вода» за 7 лет улучшила качество водоснабжения для 2 миллионов жителей Подмосковья». Планируется, что до 2024 г. чистую воду получают еще 675 тысяч человек. Таким образом, ею будут обеспечены уже более 94% населения региона. Всего в 2021 г. в регионе должны быть введены в эксплуатацию 23 объекта водоснабжения [10].

Эксперты считают, что в России достаточно основного электората, которого привлекает «зеленая» повестка – образованной молодежи из крупных городов [11]. Поэтому привлечение молодежи к этой проблеме на различных популярных форумах представляется перспективным для продвижения экологической повестки, а также для ослабления конструирования социального риска.

Анализ выборных кампаний политических партий показывает, что они могут участвовать как в формировании риска-конструкта, так и выполнять совершенно противоположную функцию – противостоять этому формированию. Наличие официальной информации в виде многочисленных выступлений кандидатов в депутаты, их обещаний и решение в ходе выборных кампаний конкретных вопросов выводят из процесса такой важный мобилирующий момент, как представление о замалчивании ситуации и стремление ее огласить. Это существенно ослабляет общественный накал и работает на нераспространение конструирования риска.

1. Beck U. Risk Society. Towards a New Modernity. L., 1992. P. 55-56.
2. Котова И. Н. Экологические риски и их влияние на социальные процессы // Социология власти. 2008. № 3. с. 99-107.
3. Яницкий О. Н. Социология критических состояний общества: теоретические и методические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2014. №4. С. 5-24.
4. Хапсаева Д. В., Баликоева Л. М. Экологическая стратегия в системе местного самоуправления: правовые основы и природоохранные практики // Kavkaz-Forum. 2020. № 2 (9). С. 139-150.
5. Хапсаева Д. В. Экологические проблемы в общественном дискурсе СКФО: социальные риски и конфликтный потенциал // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. №8 (88). С. 96-102.
6. <https://livekavkaz.ru/index.php?newsid=14614>
7. <https://news.myseldon.com/ru/news/index/259477627>
8. <http://ecoreporter.ru/node/385>
9. <https://er.ru/party/program/>
10. <https://mosobl.er.ru/activity/news/podmoskovnaya-edinaya-rossiya-podderzhit-vse-iniciativy-zhitelej-napravlenные-na-uluchshenie-ekologii-regiona>
11. https://news.rambler.ru/ecology/47221077/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Мадина Дарчиева стала лауреатом стипендии имени Васо Абаева

За достижения в научной деятельности в области осетинского языкознания стипендия им. Васо Абаева присуждена старшему научному сотруднику отдела фольклора и литературы СОИГСИ, кандидату филологических наук **Мадине Владимировне Дарчиевой**.

На заседании Правительства РСО-Алания, состоявшемся 29 октября, названы обладатели именных стипендий на 2021-2022 учебный год.

Стипендия им. В. Абаева назначается с 2001 года ученым и аспирантам, а также студентам, проявившим значительные успехи в научной деятельности в области осетинского языкознания.

Выплаты будут осуществляться в течение года за счет средств, предусмотренных подпрограммой «Развитие осетинского языка» Государственной программы «Развитие образования Республики Северная Осетия-Алания» на 2020-2024 годы.

В период с 08 по 10 октября 2021 года во Владикавказе прошли заключительные мероприятия IX Владикавказской Региональной площадки Всероссийского фестиваля науки «Наука 0+» (Наука для

всех).

СОИГСИ представили выставку книжных новинок СОИГСИ: монографии ведущих ученых, научные журналы, сборники конференций, а также экспозиция «Реконструкция костюмов периода Кобанской бронзы». Основная идея экспозиции – показать роль истории, археологии, этнологии в реконструкции объектов культурного наследия. Детально воссоздавая быт и дух старины. Экспозиция отражает богатство и преемственность осетинской культуры, которая, как показывает время, актуальна и востребована у перенасыщенного смыслами и технологиями общества постмодерна. Описание экспозиции представил в своей лекции аспирант отдела этнологии СОИГСИ **Батраз Цогоев**.

11 октября 2021 г. в Северо-Осетинском республиканском институте повышения квалификации работников образования (СО-РИПКРО) прошла Международная научно-практическая конференция **«Коста Хетагуров в контексте современного национального образования»**.

В мероприятии приняли участие ученые, исследователи творчества Коста, представители педагогической общественности Северной Осетии и Республики Южная Осетия.

В конференции приняла участие ученые СОИГСИ Эльмира Гутиева (научный сотрудник отдела осетинского языкознания), Залина Кусаева (старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы, кандидат филологических наук) и **Елизавета Дзапарова** (старший научный сотрудник отдела фольклора и литературы, кандидат филологических наук).

ИЗВЕСТИЯ СОИГСИ. ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВЫП. 28, 2021

Научный журнал

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка — *А.В. Черная*
Дизайн — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 15.12.2021.
Формат бумаги 70×108 $\frac{1}{16}$. Бум. 80 гр.
Печать цифровая. Гарнитура шрифта «Myriad»
Усл.п.л. 12,5. Тираж 100 экз. Заказ ???

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. В.И. АБАЕВА – ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
НАУКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

362040, PCO-A, г. Владикавказ, пр. Мира, 10

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, PCO-A, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3
e-mail: rio-soigsi@mail.ru